

Мельников Федор Ефимович

Димитрий, митрополит Ростовский, и его время.

(К 200-летней годовщине кончины его)¹.

Об авторе

Федор Ефимович Мельников (1874- 1960) – известный старообрядческий историк, публицист, церковный и общественный деятель

I.

Димитрий, митрополит ростовский, нас интересует не как святой и чудотворец господствующей Церкви. Мы не намерены говорить ни о его святости, ни о его чудесах. Это – деликатная область веры и чувства. Как бы мы отрицательно ни относились к господствующей Церкви и ее новым чудотворцам, мы никогда не станем на тот путь злого и намеренного кощунства и насмешек над религиозными чувствами искренноверующих людей, на который так цинично стал Всероссийский миссионерский съезд, состоявшийся в прошлом году в Киеве. Находящиеся в старообрядческой Церкви нетленные тела персидских мучеников: святых Дады, Гаведдая, Каздои и Гаргала, празднуемых 20 сентября,² он объявил «черкесскими трупами». О старообрядческих антими́нсах – этой величайшей святыне, без которой не может быть совершена Божественная Литургия, съезд кощунственно и без всякого стыда заявил, что в них старообрядческие архиереи

¹ Статья напечатана в 1909 году в журнале «Церковь».

² Все даты приведены по старому стилю.

вшивают не мощи святых мучеников, а «кожу зайца и собаки». Это заявление внесено было в определение съезда и о нем было своевременно напечатано во всех газетах, дававших отчет о миссионерском съезде. С особым подчеркиванием оно было напечатано в миссионерской газете «Колокол». Всероссийский миссионерский съезд во главе с виднейшими архипастырями господствующей Церкви нисколько не задумался над вопросом: не оскорбит ли явно кощунственное и заведомо лживое определение съезда религиозное чувство миллионов искренно и горячо верующих людей? Не вызовет ли оно в их сердцах глубокую скорбь и обиду. Миссионерский съезд, как видно из его деяний, был чрезвычайно рад возможности забраться со своими нечистыми намерениями в чистую душу старообрядца и потоптать здесь величайшую его святыню, плюнуть ядовитым отвратительным плевком в его святой алтарь. Сделал это миссионерский съезд торжественно, точно совершил важнейшее священнодействие.

Этот подвиг миссионеров, отличающий их от кротких любвеобильных служителей Христа, нам чужд и омерзителен. Мы постараемся, говоря о митрополите Димитрии Ростовском, ни одним словом не затронуть религиозное чувство людей, верующих в его святость.

Нас интересует митрополит Димитрий, как церковный деятель известной эпохи, как виднейший и авторитетнейший «обличитель раскола». В нем, в его деятельности и литературных трудах отражается, как в зеркале, современное ему состояние господствующей Церкви и ее духовенства, отношение московской Патриархии к малороссийской Церкви, новые реформы Петра I, отношение церковной и гражданской власти к старообрядчеству, ее взгляды на него и т.п. Только с этой стороны мы можем говорить о Димитрии Ростовском.

II.

Димитрий, в мире *Даниил Туптало*³, происходил из рода казаков, родился в 1651 г. в местечке Макарове Киевской губернии. Начальную грамоту получил дома. Потом был отдан в киевское братское училище. Здесь он пробыл всего только три года и дальше риторического класса не пошел. На 15-летнем возрасте он вышел из училища, получив в нем очень скудные знания. 17-ти лет постригся в монахи, а на 18-м году поставлен в сан иеродиакона митрополитом Иосифом Нелюбовичем-Тукальским. Избранный на киевскую митрополию киевским

³ Курсив везде авторский.

духовенством и шляхетством в 1664 году, митрополит Иосиф не признан был русским правительством за законного митрополита киевской митрополии. Оно назначило блюстителем киевской митрополии Мефодия, епископа мстиславского, а по удалении его – Лазаря Барановича, архиепископа черниговского. 24-х лет Дмитрий был посвящен в иеромонахи Лазарем Барановичем, которого Дмитрий называет в своих записках «великим столпом церковным». Жил Дмитрий в разных монастырях: Черниговском, Батурином, Киево-Кирилловском и других. Бывал нередко и подолгу и в Москве. В 1701 году он был рукоположен в сан митрополита сибирского и тобольского. Но управлять сибирской митрополией ему не пришлось. В конце 1701 года скончался ростовский митрополит Иоасаф. Преемником ему Петр I назначил Дмитрия, новорукоположенного митрополита. Дмитрию не долго пришлось архиерействовать. 28 октября 1709 года он скончался.

Вот в немногих словах незамысловатая жизнь Дмитрия. Она не блещет ни великими подвигами и страданием, ни выдающимися событиями, ни самопожертвованием, ни какими-либо добродетелями. Жизненный путь его был покойным, мягким, легким, приятным. Характера Дмитрий был очень покладистого и гибкого.

Славился он проповедничеством. Но самое содержание его проповедей, язык их – смесь польских, русских и латинских слов, - свидетельствуют лишь о безвкусии и невзыскательности его слушателей. И если он был «знаменитым» проповедником, то что же представляли из себя в то время другие проповедники?

Дмитрий верил в сны. Об одном из них он рассказывает следующее: «Услышав я благовест к заутрени, но по *обыкновенному моему ленивству* разоспавшись, не поспел к началу, но проспал даже до чтения Псалтири. В сие время видел следующее видение: казалось, будто поручено было мне в смотрение некоторая пещера, в коей почивали святые мощи. Осматривая со свещею гробы святых, увидел там же якобы почивающую святую великомученицу Варвару. Приступив к ея гробу, узрел ее лежащую боком и гроб ея являющий некоторую гнилость. Желая оную очистить, вынул мощи из ея раки и положил в другом месте. Очистив раку, приступил к мощам ея и взял оныя руками для вложения в раку, но вдруг увидел в живых Варвару святую. Вещающему мне к ней: «Святая дево Варваро, благодетельнице моя! Умоли Бога о гресех моих!»! Ответствовала святая, будто бы имея сомнение некое: «Не ведаю, - рекла, - умолю ли, ибо *молишия по-римски*». Думаю, что сие сказано для того, что *я весьма ленив к молитве* и уподоблялся в сем случае римлянам, у коих весьма короткое

молитвословие, так как у меня краткая и редкая молитва». Заклучая этот рассказ, Димитрий замечает: «Бог ведает, что сей сон знаменует, и каково онаго событие воспоследует! О когда бы молитвами святых Варвары, патрона моего, дал мне Бог исправление *злого и окаянного жития моего*»⁴. Писал Димитрий не совсем грамотно, правила грамматики им были усвоены очень слабо. Вот образчик его письма к своему московскому другу. Приводим с сохранением орфографии:

«Честному отцу Феологу челом, здравствуй Братец на многа Лета!

Христос родился, крестился, и пошел в мир скитаться и странствовать с добрыми людьми ища себе покоя; не бывал-ли у вас? чаю забился в чуланчик сердца Феологова и почивает на Одре Боголюбезных мыслей его. А отец феолог ему рад, подчюет Его вином умилений; пожалуи отче Феолог, побей челом ему свету чтоб и мою немощь посетил, понеже немоществу насилиу брожу...

Отцу Иосифу судий, отцу Кариону челом, Здравствуйте Отцы Святии на многа лета! не забудьте мене егда молитвы к Богу простираете, и *егда чарку вотки полную испиваете* *Аз же такожде не забуду*; Аще впредь жить буду.

Отче Феолог, вельми добре совет твой, прошу и молю и соверши его сам; благоволи потрудитися с моим посланным к Его милости и побей челом, чтоб посетил Мою Худость, за просто: *уха есть живая*, а с ним и твоя честность посети нас»⁵. «Полные чарки водки» и «живую уху» едва ли можно поставить в число особых добродетелей монашествующих отцов.

К «лику святых» митрополит Димитрий причтен в 1758 году. «Мощи его, - говорит профессор Голубинский, - осматривала в январе 1757 года комиссия, состоявшая из митрополита Ростовского Арсения Мациевича, митрополита Суздальского Сильвестра Гловацкого и заседавшего в Московской синодальной конторе симоновского архимандрита Гавриила Краснопольского. В доношении комиссии Синоду читается о мощах: «Власы на главе вниз от шапки по обе стороны, також и на браде, изруса мало с поседию, целы и невредимы суть, а под шапкою, кая (коя?) опушка иршица (опушка меховая) ко лбу пристала, имеется ли узнать нельзя, глава же от выи в составе значится мало отстало, уповательно от тяжести насыпавшиися земли (на гроб) и щору (щебня); губы исподняя и верхняя и хрящ у носа и лице землею взято, составы же всего того в виду целы и един от

⁴ Нечаев. «Святой Димитрий, митрополит Ростовский, стр. 19-20.

⁵ Из писем Димитрия Ростовского, хранящихся в Румянцевском музее, рукопись №407 по каталогу Востокова.

другого не отлучены не мало; отвалились руки, сложенные на персах, правая цела и жилы видны целы, а левая в составе в локоте отделилась и жилы, коя суть видны, пресеклись, да у правой же руки у четырех перстов, - у указательнаго, да у великосредняго и подле его сущаго и у мизинца, - по два состава переломились, из коих один и с ногтем имеется, и оные во особенном серебрянном ковчежце положены; у ног голени и в коленах составы такоже видны, жилы целы, а тела на них не окажется, а на прочих составах, а потом на бедрах по части не имеется у него (его?) ножных стоп кости кои (иные) отделились, а голени не истлели... По части и многия оказываются кости инде трухловаты»⁶. Сведения эти о мощах Дмитрия остаются на ответственности, конечно, комиссии. Проверить их достоверность нет возможности. Знаменательно, что один из членов комиссии, преемник Дмитрия – Ростовский митрополит Арсений Мациевич, «относился к славе Дмитрия, - как замечает профессор Голубинский, - с пренебрежением». Мациевич, по собственному его признанию, даже «не любопытствовал о чудесах Дмитрия за суетами и забвениями»⁷. Как видно, он их ставил ниже своей «суеты» и не доносил о них Синоду. Сведений о чудесах потребовали из Петербурга, и только тогда о них стало известно Ростовскому митрополиту Арсению, совсем «не любопытствовавшему» о том, что в его митрополии творятся чудеса его предшественником. Поведение митрополита Арсения очень странно и наводит на зрелые размышления.

III

Оставшиеся после Дмитрия его сочинения и проповеди рисуют современное ему состояние духовенства господствующей Церкви очень печальным и мрачным. Безграмотность и безнравственность – это обычное качество тогдашних пастырей.

«Оле окаянному времени нашему, - восклицает Дмитрий в одном из своих поучений, - яко отнюдь пренебрежено то сеяние, - весьма оставися слово Божие, - и не вем, кого первее окаевати тебе, сеятелей или землю, - иереев ли, или сердца человеческия, или обое то купно? *Вкупе непотребни быша, несть творяй благостыню, несть до единаго.* Сеятель не сеет, а земля не приемлет; иереи небрегут, а людие заблуждают; иереи не учат, а людие невежествуют; иереи слова

⁶ Голубинский «История канонизации святых» стр 216 – 217 и 255, изд. 1894г.

⁷ Там же, стр. 126.

Божия не проповедают, а людие не слушают, ниже слушати хотят. От обою страну худо: иереи глупы, а люди неразумнии»⁸.

Недостаток образования умственного мог бы, хотя отчасти, быть вознагражден добрым нравственным воспитанием служителей Церкви. Но митрополит Димитрий и этого не видел, он отмечает, что отцы семейства крайне были невнимательны к исполнению главных христианских обязанностей своими домашними. В том же поучении он говорит:

«А еже удивительнее, яко *иерейстии жены и дети мнози никогда же причащаются*, еже уведахом отсюда: иерейстии сыны приходят ставитися на места отцев своих, которых егда спрашиваем, давно ли причащались, многия поистине скажут, яко не помнят, когда причащались. О, *окаяннии иереи*, нерадящии о своем доме, - восклицает при этом Димитрий, - како могут радети о святой церкви, домашних своих ко святому причащению не приводящии? Какое могут приводити прихожан, не пекущиеся о спасении душ, и ни в дому, о попадии, глаголю, и о детях?»

Так не высоко стояло тогда духовенство над простым народом, и притом в главном городе митрополии⁹. Что же было в деревнях и селах?

Не лучшим духовенство стало и в следующем 19-м столетии. «Оттого духовенство наше не уважается народом, - говорит о нем П.И. Мельников (Печерский), - что слишком отрешено от общества. Получив превратное воспитание, оно не вносит в жизнь народную живого учения духа, а остается при одних мертвых формах внешнего служения, да и теми пренебрегает до кощунства. Оттого духовенство не уважается народом, что оно часто представляет непрерывные примеры неуважения к вере; оттого оно не уважается народом, что служение Богу превратило в доходное для себя ремесло»¹⁰.

Поразительную картину небрежного отношения духовенства к святыне воспроизводит митрополит Димитрий в своем послании к духовенству. В одном храме он спросил священника: где у тебя находятся запасные Дары? «Тогда иерей, - рассказывает Димитрий, - изъем из угла сосудец, *зело гнусный*, показа в нем хранимую оную в небрежении толь велию святыню, на нюже ангели смотрят со страхом, и возболезновах о том сердцем по премногу, ово яко в таком непочитании хранится Тело Христово, ово же яко ни нарицания честнаго

⁸ Нечаев, «Святой Димитрий», стр. 43.

⁹ Там же, стр. 44.

¹⁰ См. кн. И. Усова «П.И. Мельников», стр. 143-144, изд. Вольф.

пречистым Тайнам подобающего ведут. Удивися о сем небо, и земли ужаснитесь концы! – восклицает Димитрий: - *О, окаянии иереи, аще сами Христа Бога в пречистых и животворящих Его тайнах сущаго не знаете, веры же и любви к Нему не имеете и достодолжнаго Ему не воздаете почитания: то како простых людей истиннаго богопознания научите?»*

В том же послании митрополит Димитрий передает другой случай грубой невнимательности священников к обязанностям священнодействия: «Вспомяну вещь ужасную, юже донесе нам протопресвитер наш ростовский с протодиакном, еже сами ни очима своима видеша. В некоей церкви (места и имени не воспоминаем) поп служил литургию без книги, Служебник нарицаемой, и без молитв, служению подобающих, токмо едины возгласы глаголя, и егда протопресвитер и протодиакон то узревше, вопросиша его: для чего без книги Служебника и без молитв служит? Отвеща поп: я уже прочел служебные молитвы в дому. Начаша убо глаголати ему, яко не добре деет; он же рече: аз от старых попов сего навыкох, и сказа по имени, от кого навыче. *О, крайняго безумия, - заключает Димитрий, - и нерадения глупых иереев, паче же реку, ругателей Христовых!* О, бесстрашия и небрежения! О, пагубы их вечныя! Коль велие есть долготерпение Божие, яко не падет огонь с высоты на таковые попы и не сожжет я живы на тех же местах, идеже тако литургисают, истине же реку, *ругаются Христови!..»*¹¹.

«Глупые и окаянные иереи» времен Димитрия хотя дома прочитывали «служебные молитвы». Современные же пастыри господствующей Церкви и этого не делают. Они совершают службы в несколько минут, не умеют даже «перекреститься» как следует. «Беда в том, что у нас есть храмы, где служба идет *богатырскими шагами*. Все куда-то спешат, куда-то торопятся: всё желают служащие угодить тем, для кого служат». Это свидетельствует о духовенстве ни кто иной, как епархиальный московский миссионер отец Полянский. Мы пользуемся миссионерскими источниками нарочито, чтобы не упрекнули нас в «сгущении красок». Миссионер Полянский рассказывает такой характерный случай: «Двое знакомых, - один православный, другой старообрядец, - долго спорили, чья вера истинная, другой старообрядец предложил, наконец: пойдём, обойдём 40 церквей и будем глядеть: *умеют ли попы ваши креститься?* Пошли. В первой церкви священник еле доводит руку до носу, - тяжела рука, не донести до лба, не умеет лба перекрестить. Православному досадно, обидно, стыдно; раскольник рад и толкует ему, почему это поп не может правильно

¹¹ Нечаев, стр. 45-46.

перекреститься: «антихрист связал руку, потому и не может поднять её до чела... и вообразить истинный крест Христов». Идут дальше. И в других церквях все то же; в иных еще и хуже. Обошли 8 церквей. Раскольник радуется и толкует по-своему, что такое значит, что *попы не умеют креститься*; православный смутился, в другие церкви не пошел и смотреть, да и совсем оставил церковь и ушел в старую веру... «Великое дело чувство, религиозное чувство, - наставительно заключает Полянский, - Оно-то и тянет Нила Павлова в старую веру. Я не стал и никогда не стану, да и не могу порицать и отрицать то, что есть в старообрядчестве хорошего. Хорошее везде хорошо, и в старообрядчестве конечно»¹².

Третий всероссийский съезд миссионеров, состоявшийся в Казани, постановил ходатайствовать перед Синодом – издать надлежащее распоряжение, чтобы хотя в одном каком-либо монастыре совершалась церковная служба полностью, по уставу. Подобного распоряжения, конечно, не последовало, и нам не могут указать *ни одного* храма в господствующей Церкви, в котором совершалась бы истовая и уставная служба. Будь в наше время Димитрий Ростовский, он признал бы всех современных иереев господствующей Церкви «ругателями Христовыми» и удивился бы: «Коль велие есть долготерпение Божие, яко не падет огонь с высоты на таковые попы и не сожжет я живы». От попов нисколько не ушли и архиереи. Собственная их небрежность в богослужении, и далеко не архипастырская жизнь только развращает низшее духовенство. Но «может ли народ с уважением смотреть на духовенство, - спрашивает Мельников-Печерский, - может ли он не уклоняться в раскол, когда то и дело слышит он, как один поп, исповедуя умирающего, украл у него из-под подушки деньги, как другого народ вытащил из непотребного дома, как третий окрестил собаку, как четвертого во время пасхального богослужения диакон вытащил за волосы из царских дверей? Может ли народ уважать попов, которые не выходят из кабака, пишут кляузные просьбы, дерутся крестом, бранятся скверными словами в алтаре? Может ли народ уважать духовенство, когда повсюду в среде его видит святокупство, небрежность к служению, бесчиние при совершении таинственных обрядов? Может ли народ уважать духовенство, когда видит, что правда совсем исчезла в нем, а потворство консисторий, руководимых не регламентами, а кумовством и взятками, истребляют в нем и последние остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками в исповедные росписи и метрические книги, оброки, собираемые священниками с

¹² «Записки» миссионера Полянского, вып. 2, стр. 19-20.

раскольников, превращение алтарей в оброчные статьи, отдачу за поповскими дочерьми в приданое церковей Божиих, и прочее тому подобное, то вопрос о том, может ли народ уважать наше духовенство и может ли затем не уклониться в раскол, - решится сам собой»¹³.

Скажут: это было давно, теперь же все изменилось. Да, изменилось, только не к лучшему. Покойный Победоносцев, стоявший во главе господствующей Церкви и потому хорошо знавший ее внутреннее состояние, еще так недавно говорил: «Посмотрите, вот храмы – светильники народные, оставленные посреди сел и деревень запертыми, без службы и пения, и вот другие, из коих, *за крайним бесчинием службы не выносит народ ничего, кроме хаоса, неведения и раздражения...* Велик этот свиток, и сколько в нем написано у нас *рыдания, и жалости, и горя*»¹⁴. Кто же виновен в этом? Конечно «не бедный народ, - отвечает Победоносцев, - повинен ленивый и несмыслящий служитель церкви, повинна власть церковная»¹⁵.

Современные пастыри забывают всякий страх Божий. Они служат только деньгам. «В некоторых приходах, - сообщает «Миссионерское Обозрение», - требование пастырями денег за таинства настолько велики, что крестьяне оставляют детей без крещения по 6, 7 и 8 месяцев и часто живут вне брака, ибо не в силах заплатить 15-20 и 25 рублей священнику за совершение таинства. В этом напряженном состоянии безденежья и веры человек подвергается большому искушению. И, подвернись в это время какой-нибудь *раскольничий поп, совершающий крещение и брак даром*, и отпадение почти неизбежно. Но самое ужасное – это требование денег на похороны. Налог на несчастье. Укажем случай, бывший с односельцем крестьянином, у которого в марте месяце умерла мать и с которого священник (был голодный год) потребовал за совершение похоронного обряда 5 рублей, под угрозой оставить тело без погребения. Это было поистине ужасно»¹⁶.

«Нельзя облагать совершение таин Божиих налогом, это стыдно и позорно. Самый грустный и самый резкий упрек заключается в словах сектантов: «у православных все продается и все покупается». Как может священник влиять на

¹³ И. Усов, «П.И. Мельников», стр. 144-145.

¹⁴ «Московский сборник», стр.1380.

¹⁵ Там же, стр. 261.

¹⁶ «Миссионерское Обозрение», 1903г. № 2, стр. 203.

кулаков в селе, высасывающих народные соки, если *сам он*, по-видимому, как в лавочке торгует бракосочетаниями, крещением и другими таинствами?»¹⁷.

«В одном приходе, - рассказывает один сотрудник «Миссионерского Обозрения», - был случай, когда священнику привели крестьяне грабленую корову, и он ее взял, зная, у кого она ограблена»¹⁸. Чего же можно ожидать от таких пастырей?

Но ужаснее еще то, что многие пастыри господствующей Церкви живут развратно и творят всякие неприличные дела с единственной целью, чтобы казаться современными «культурными» людьми, чтобы не быть похожими на «отсталых» старообрядческих священников. В «Миссионерском Обозрении» говорится об одном даже единоверческом подобном иерее. «Как-то мне случилась надобность допросить священника единоверческой церкви, - повествует все тот же сотрудник «Миссионерского Обозрения», - производил я допрос в здании станичного правления, где все служащие, начиная со станичного атамана, были старообрядцы. Иконы были старого письма. Священник явился ко мне с папироскою в зубах (случай изумительный) и немного навеселе после завтрака. Он и по улице шел с папироской и курил. Я предложил ему немедленно затушить папиросу, а по окончании допроса я один на один спросил его: для чего он курит и пьет водку в старообрядческой станице? Он мне ответил: *«Чтобы не походить на старообрядческих начетчиков»*¹⁹.

Нам припоминается рассказ известного в старообрядчестве церковно-общественного деятеля, ныне покойного, Е.Е. Бушева. Он был близко знаком со знаменитым кремлевским проповедником московским миссионером-иеромонахом отцом Пафнутием Овчинниковым, ушедшего в господствующую Церковь из старообрядчества. Бушев часто бывал у него в гостях. Однажды он застал отца Пафнутия за обедом. День был постный. Пафнутий ел мясное. Это страшно поразило Бушева. Он знал, что Пафнутий, будучи старообрядцем, вел чисто подвижническую жизнь, питался только сухарями и просфорой. Сделавшись же «православным», он отверг посты и пренебрегал установлениями Церкви о постах. «Что ты делаешь, - заговорил Бушев, обращаясь к Пафнутию. – Не боишься ты Бога – жрешь скоромное. Ты же монах, да и постный день сегодня. Что с тобой стало!»

¹⁷ «Миссионерское Обозрение», 1903 №3 стр. 346.

¹⁸ 1903 г. № 2, стр. 193.

¹⁹ «Миссионерское Обозрение» 1903 г. №2, стр. 199.

«А я тебе удивляюсь, - иронически начал оправдываться Пафнутий, - ты известный старообрядческий начетчик, а не знаешь самых простых вещей. Ведь если бы я стал жить в православной Церкви по-прежнему, как я жил в старообрядчестве: соблюдал посты, совершал службы чинно, церковная власть тогда бы и сказала обо мне: «как был раскольниковым, так и остался им». А теперь, когда я нарушаю посты, не признаю среды и пятницы, ем мясное, служу по-военному, обо мне говорят: «вот, настоящий православный». И в моей преданности православной Церкви никто не сомневается. Понял?» - заключил свои разъяснения Пафнутий.

Этот яркий и отличительный признак господствующего православия не в наше только время родился. Его отмечал в своих проповедях и митрополит Димитрий Ростовский. В одной проповеди 1708 года он говорил: «Бахус не только эллинам, но, якоже вижу, и нашим глаголющим бытии православным христианам той божишко не нелюбим... Не соблюдать постов – то не грех; день и ночь пьянствовать – то людскость, пребывать в гулянье – то дружба, а что по смерти о душе скажут, куда ей итти – баснь то». «Речет Бахус, чревоугодный бог со учеником своим Мартином Лютером: надобно *в полках не смотрети поста и в пост ясти мясо*, чтобы полковые люди в воинстве были сильны, в бою крепки, не ослабели бы в брани от поста и воздержания»²⁰. Здесь, очевидно, митрополит Димитрий имеет в виду Петра I, который издевался над набожностью русских и войскам своим разрешал есть мясное Великим постом. Уже после смерти Димитрия «чревоугодному богу Бахусу» поклонились и восточные патриархи, и русский правительствующий Синод, разрешившие «Христовым войскам на мясные и прочие в пост запрещенные яди». Петр Великий, принявшийся реформировать русскую Церковь, «представлял себе истинную религию в форме лютеранства»²¹.

По этой форме он и начал кроить свою Церковь. При жизни Димитрия эта кройка только начиналась. Но и она приводила в ужас и отчаяние даже его, Димитрия. В низах иерархии – полная распущенность, небрежность в богослужении, пьянство и безнравственность, тупоумие и безграмотность. На верхах – рабское следование иерархов за Петром, его кощунства и насмешки над вековыми и священными верованиями русского народа, дух протестантизма и прямого безверия. Вот внутренняя сущность тогдашней иерархии и Церкви. Люди с чуткой совестью, с не замершим еще чувством веры бежали из этой Церкви и

²⁰ Богословская энциклопедия, т.IV, стр. 1045.

²¹ Священник Синайский. «Отношение русской церковной власти к расколу», стр. 348.

спасение своей души, успокоение тревожной совести находили только в старообрядчестве, где церковное благочестие и дух святой веры были непоколебимы, где члены Церкви шли тернистым, скорбным, но зато спасительным путем, ведущим в Царство Божие.

IV

Киевская Церковь, возродившая и воспитавшая Дмитрия Ростовского, с давнего времени была заподозрена московскими святителями в потере чистоты православия.

Католицизм и протестантизм действительно наложили на нее свой еретический отпечаток. На московском соборе 1620 года патриарх Филарет Никитич говорил: «Егда бых в польском и литовском государстве, многая в них виде несогласия церковная, в самех тех христианах, яже суть белорусцы в них нарицаются, и нарицаются убо христиане, а правила святых апостол и святых отец седми вселенских и девяти поместных соборов и инех святых отец предания, мнози в них не соблюдают; и во едином убо дому у них у отца с детьми, и у мужа с женою, и у господина с рабы, веры три или четыре: и ин держит в них веру христианскую, ин же папешскую, а ин же люторскую, и ин же кальвинскую, и ин же новокрещенскую, ин же сасскую, и ин же ариянскую. И вкупе убо на единой трапезе ядят и пьют и браком совокупаются, а инии вкупе и молитву творят. *Мнози же из них и за папу изверженнаго Бога молят во святей литургии в приношении и во ектениях и литиях*»²².

Филаретовский собор очень строго отнесся к южным христианам. По определению собора, их должно отдавать «под начал для исправления веры», крещеных же обливательно – снова крестить. С большим недоверием относились в Москве и к книгам литовской и киевской печати. Их считали погрешительными и еретическими. И не только догматические произведения киевских писателей были наполнены заблуждением латин и протестантов, но и в богослужебные книги вносились «еретические чины и толкования». По свидетельству московского патриарха Иоакима, в киевском «Требнике Великом» «к молитвам, с греческих преведенным, положены латинские чины и толкования под именем восточныя церкви: в крещении, место погружения, обливание (оставляю молчанно о деемых у срамных женских удес при рождении младенцев). В том же Требнице на Божественной литургии пресуществление святых Таин поведуемо словесы

²² Каптерев, «Патриарх Никон и его противники», гл.1, стр. 1.

Христовыми бывати, и в то время не обычныя святей Церкви поклоны творити, и яже в проскомидии изымаемая частицы из просфор в честь и славу Пресвятыя Богородицы и святых и приносимыя за живыя о здравии и спасении и за усопшия о покое и оставлении грехов мнети тело Христово и православныя христианы причащати ими сказует, приложив: «по чину, глаголя, восточныя церкве», еже никогда в восточней церкви бысть, ниже есть. И иная некая от латинскаго зломудреннаго учения в оный Требник привнесена суть. Подобны тому Требнику книги: «Служебники» разных изданий, бывших в Киеве, в Вильне и в Стрятине»²³

Киевские богословы по многим церковным вопросам держались латинских заблуждений. Между прочим, и в вопросе о пресуществлении даров они разделяли взгляд латин. В этом упрекал их и воспитанник киево-могилянской коллегии Епифаний Славинецкий. «Наши киевляне, - говорит он, - учились и учатся точию по латине и чтут книги токмо латинския, и *оттуду тако мудрствуют*, а гречески не учились и книг греческих не чтут и того ради о сем истины не ведают и вельми в сем погрешили, зане сие есть ересь латинская; латини ибо тако мудрствуют, - обращается Епифаний к Симеону Полоцкому, - яко и сам глаголеши, яко западни учителя глаголют, Христовыми токмо словесы совершатися телу Христову в крови»²⁴.

Но в патриаршество Никона киевские богословы, воспитанники западных и иезуитских школ, призванные в Москву, стали во главе предпринятых Никоном церковных реформ и постарались и Москву заразить латинскими и протестантскими догматами. «Достойно замечания, - говорит г. Татарский, - как самое характеристическое проявление этого нового настроения духа времени, так это тот несомненный факт, что влияние западной латинской образованности стало довольно ощутительно проникать и в область тогдашней церковной жизни. Весьма знаменательно, что представители церкви, принимавшие самое видное участие в умиротворении ее от тогдашних внутренних нестроений, были то *прямыми воспитанниками западных школ*, то людьми, сочувствовавшими в большей или меньшей степени началам западного просвещения. Достаточно вспомнить о Паисии Лигариде, человеке обширной *латинской* учености, без совещания с которым царь Алексей Михайлович решительно не делал ни одного важного шага в церковной политике того времени. Ближайшим сторонником и сотрудником Паисия был Симеон Полоцкий, принимавший не менее важное участие в современных церковных делах. Из русских архиереев, имевших в этих

²³ Кн. «Остен» патр. Иоакима, стр. 142-143, изд. 1865 г., Казань.

²⁴ Иерофей Татарский, «Симеон Полоцкий», стр. 174.

делах наиболее авторитетное значение, явное сочувствие к *латинскому* образованию питали Илларион, архиепископ рязанский, и в особенности митрополит сарский и подонский Павел»²⁵. «Возненавидели они окаяннии, - говорит о них прямее и вернее диакон Феодор, - святые сионския восточныя церкви матере нашае правыя догматы и поругали, и попрали; а возлюбили и поцеловали римскую блудницу... и приемлют с честью и слушают с любовию проклятых и льстивых ея дидакалов, и от тех нечистых духов напиваются мутнаго пития, яко свиния кабацкия барды»²⁶. Автор книги «Симеон Полоцкий» соглашается, что подобные отзывы современников были основаны на действительных фактах²⁷.

Нельзя указать ни одного строителя новой никоновской церкви, который был бы вполне православным.

Паисия Лигарида, «образотворившаго персону» константинопольского патриарха Дионисия, сам Дионисий признавал «папезником и лукавым человеком»²⁸, иерусалимский патриарх Досифей считал его раскольником и еретиком²⁹, а Никон называл его «нехристом»³⁰ и «антихристовым предотечей»³¹. Симеона Полоцкого, автора книги «Жезл Правления», сооруженной собором 1666 года, и главного руководителя церковных дел в царствование Алексея Михайловича, московский патриарх Иоаким изобличал во многих ересьях³² и предал отлучению всех, кто будет читать сочинения Полоцкого. «Данною нам властью от всесвятаго Духа, - говорит патриарх Иоаким, - запрещаем всем православным сыновом, послушным архипастырства нашего, тех книг яко *подзор и ереси имущих*, яко не благословленных, никакоже дерзати народно и в церквах прочитати, под церковною казнию, священным – под извержением священства, людином же – под отлучением»³³. В книге Симеона «Жезл», изданной соборне, указывал ереси монах Чудовского монастыря Евфимий, ученик Епифания Славинецкого³⁴.

²⁵ Там же, стр.187.

²⁶ «Материалы для истории раскола», т. 6, стр. 252, изд. Н. Субботина.

²⁷ Стр. 187.

²⁸ Гиббенет, «История исследования дела патриарха Никона», ч. 2, стр 893-894.

²⁹ Там же, стр. 1119.

³⁰ Стр. 59.

³¹ Стр. 624.

³² Книга его «Остен», стр. 130-132.

³³ «Остен», стр.138.

³⁴ «Симеон Полоцкий», стр. 177.

Затем идут никоновские справщики: Дионисий, Арсений, Ивашка-латинщик и другие. Все они были отъявленные еретики и самой низкой честности. «Ревнители старой веры, - говорит о них профессор Каптерев, - хорошо знали, что между учеными греками и киевлянами немало находилось и таких, которые, получив образование в западных, по преимуществу в латинских школах, заразились там латинскими мнениями и *становились открытыми или тайными приверженцами латинства*; поэтому они постоянно опасались, как бы и на Русь не проникли эти иностранные иноки «истине и благочестию ругатели и ересей водители». Простое благоразумие, казалось им, требует от правительства, чтобы оно зорко следило за всяким оставшимся в Москве ученым греком и киевлянином и ни под каким видом не допускало бы его до участия в русских церковных делах, по крайней мере до тех пор, пока об них не получится полной уверенности, что они и по убеждениям, и по жизни действительно люди строго православные. Такое осторожное отношение к ученым выходцам, грекам и киевлянам тем более *необходимо*, что сама жизнь большинства выходцев казалась русскими во всех отношениях очень подозрительною, так как она не укладывалась в те рамки благочестивой жизни, какие веками выработаны были для нее на Руси. «Зрим бо в них (в выходцах), государь, - пишет царю Неронов, - ни едину от добродетелей: Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость и вместо поста многоядения и пьянство любят, крестнаго же знамения на лица истинное изобразити не хотят и сложению перст блядословне противятся, яко врази истине и ругатели, на коленех же поклонитися Господеви от покоя ради не хотят, и лжу сшиваючи самосмышлением, разум Божественнаго Писания лукаво скрываючи своевольнее блядут на прелесть безумным человеком»³⁵.

Отсюда понятно, почему верующий народ Русской Церкви не пошел за нововведениями бывшего московского патриарха Никона и за киевскими насадителями новой веры на Москве. Замечательно, что взгляд на малороссийское духовенство, как зараженное латинством и протестантскими заблуждениями, еще долго держался в Москве и после никоновских реформ. В 1687 году в Москве возник между греческими учителями Лихудами и иоакимовским справщиком Селивестром Медведевым спор о том, чем совершается пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христову в таинстве Святой Евхаристии? Медведев, книжный справщик при патриархе Иоакиме, «противно древнему учению православной Церкви, - говорит о нем Нечаев, - защищал мысль об освящении Евхаристии одними словами Спасителя без призывания Святого Духа. Эту мысль, занятую у

³⁵ «Патриарх Никон», стр. 151.

латинских богословов, он старался подчеркнуть свидетельством разных книг, изданных в XVII столетии киевскими учеными и особенно сочинением Феодосия Софоновича под названием «Выклад о Церкви святой и о службе». *Сильвестр был учеником Симеона Полоцкого, которого наставником был Лазарь Баранович.* К большому смущению патриарха московского Иоакима, около того времени был получен от патриарха иерусалимского Досифея весьма невыгодный отзыв о малороссийских ученых из монашества и белого духовенства. В письме своем к царю (в апреле 1686 г.) Досифей писал: «Ныне в той стране, глаголемой *козацкая* земля, суть неции, иже в Риме и в Польше от латинов научени, и бяху архимандрити, игумени и прочитают неподобная мудрования в монастырех, и носят иезуитская ожерелья. Да попечется преосвященный митрополит, во еже бы отложити ожерелья. Да будет повелено, дабы по смерти предреченных архимандритов, игуменов и священников, уже от сих, *иже ходят учитися в папешская места, архимандритов, игуменов и епископов не поставляти, но ни мирский иерей да будет;* довольно бо есть православная вера ко спасению, и не подобает верным прельщаться чрез философию и суетную прелесть... О дабы благочестивный и на Москве сохранен был обычай, по древнему уставу, еже не было бы игумена и архимандрита *от козацкого рода,* - но москаля на Москве и в козацкой земле; аще же инако, то поне козаки в земле козацкой: не подобает бо смешати вкупе руно и лен, глаголет Писание»³⁶.

Этот совет патриарха Досифея, как мы видим, не был принят в Москве в руководство. Димитрий Ростовский был из рода казаков, однако он занял митрополичью кафедру в великороссийском городе. В его время и другие кафедры Великороссийской Церкви, и самый престол патриарший занимали епископы, «иже ходили учитися папешская места». По отзыву патриарха Досифея, они не достойны были даже «иереями мирскими» быть. Смущенный такими внушениями патриарх Иоаким принял деятельные меры для разоблачения еретичеств киевских богословов. Он немедленно открыл сношения с киевским митрополитом Гедеоном, архиепископом черниговским Лазарем Барановичем и киево-печерским архимандритом Варлаамом Ясинским. Обращая частный вопрос относительно совершения таинств Евхаристии в более общий, касающийся отношения Малороссийской Церкви к учению латинскому и к уни, патриарх спрашивал (29 марта 1686 года) упомянутых представителей малороссийского духовенства: как они судят о соборе флорентийском. «На этот вопрос, - говорит Нечаев, - ответы получены были удовлетворительные. Митрополит Гедеон с

³⁶ Нечаев, «Святой Димитрий», стр. 22-24.

собором киево-печерского духовенства и Лазарь Баранович (от 26 мая) уверили патриарха, что они не принимают флорентийского собора и твердо стоят в восточном благочестии. Не довольствуясь таким ответом, патриарх спрашивал еще малороссийских иерархов: кто сочинитель книги «Выклад о Церкви святой», двадцать лет тому назад изданной, которую Иоаким считал еретической. И как они сами смотрят на учение этой книги о совершении Евхаристии? Ответ, данный Гедеоном и Барановичем не мог успокоить патриарха. Объявив имя спорной книги Феодосия Софоновича, умершего игумена Киево-Михайловского монастыря, они *отзывались о нем с особенною похвалою* и не только не отвергали его мнения о времени пресуществления даров в Святой Евхаристии, но *оправдывали* его авторитетом многих книг, изданных в южных типографиях, как будто такие слабые доказательства могли иметь силу в Москве»³⁷.

Как в этой ереси, так и в других, перенятых киевских духовенством от латин, был повинен и митрополит Димитрий Ростовский. Патриарх Иоаким резко обличал его в этих «противностях святой Церкви». Из сочинений Димитрия видно, что он многих заблуждений держался до самой смерти своей.

О нравственных и богословских качествах малороссийского духовенства можно судить по современникам Димитрия «знаменитым иерархам» Великокороссийской Церкви: местоблюстителю московского патриаршего престола митрополиту Стефану Яворскому, архиепископу Феофану Прокоповичу, служившему при Петре чем-то вроде статс-секретаря по духовным делам, и вице-президенту Синода Феодосию Яновскому, имевшему большое влияние на церковные дела. Они были воспитанниками киевской школы. Стефан Яворский был близким другом Димитрия Ростовского. К нему отрицательно относился иерусалимский патриарх Досифей. В письмах к русскому правительству он настаивал, чтобы митрополит Яворский не был возведен в патриархи, но чтобы это достоинство возведен был природный русский. «Не может быть патриарх, - писал Досифей, - из малороссиян или белорусов, потому что они, имея сношения с латинами, *принимают многие нравы их и догматы*. За примерами не нужно далеко ходить: довольно тебя (речь о Яворском), который, отправившись в латинския земли для отыскания мудрости, *принес хульные писания в дар воспитавшей и почтившей тебя восточной церкви*»³⁸. Феодосий же Яновский был гораздо хуже Стефана Яворского. Против него возникло судебное дело, по данным которого можно иметь верное представление об этом достойном

³⁷ Там же, стр. 24.

³⁸ Священник Синайский, «Отношение русской церковной власти к расколу», стр 338.

сподвижнике Петра I. На суде выяснилось, что «вопреки своему монашескому обету, положению и обычаю, Феодосий, живя в 1723 году (временно) в Москве, устроил в вечерние богослужебные часы собрания (ассамблеи с музыкою); играл в карты; предавался роскоши и вообще чувственности; присваивал церковные деньги; для увеличения средств на прихоти и по страсти к сребролюбию, по его приказанию, подавались старинные колокола, спарывали дорогие украшения с облачений, снимали в присутствии многих золотые и серебряные привески с чудотворных икон и священных изваяний; Феодосий самовольно брал из патриаршей ризницы дорогую архиерейскую одежду и другие вещи для собственного употребления и для подарков своим любимцам; Феодосий присвоил себе часть движимого и недвижимого имущества, оставшегося после смерти Стефана Яворского; брал взятки за перемещения и повышения должностных лиц; кроме хищничества и святотатства Феодосий, по словам митрополита Сильвестра Холмского, многие соблазны пред народом бесстыдно творил и на пакость многим оскорбление чинил, и святых угодников и святейших иерархов различными хулами ругал. За кощунственные и другие худые дела Феодосия пытались убить»³⁹.

Не правда ли, хорош был руководитель правительствующего Синода и новой созданной Никоном и Петром Церкви! Не лучше был и Феофан Прокопович.

По мнению современников, «Феофан, сдружившись с таким же ересиархом Феодосием Яновским, начали явно всю Святую Церковь бороть и все ея догматы и преданья разрушать и превращать, и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять; и тогда весьма от них было в народе плачевное время. Учили быть везде противу благочестия безопасныя беседы, и кто каковое хотел на Церковь поношение говорил и всякое развратное и слабое житие имети учили смело; и так тогда поносима и вничтожаема Святая Церковь была, что всякое благочестивое христианское дело единым словом – суеверием называемо было; и кто в них, в еретиках, был пуший пьяница и нахал, и сквернослов, и шут, тот зван и вменяем в простосердечнаго и благочестиваго человека и на высочайшия чести духовныя по их еретическому предстательству возводим был; кто же хотя мало постник или воздержник и богомольный человек, тот у них зван был раскольщиком, лицемером и ханжою, и безбожным, и весьма недобрым человеком»⁴⁰.

³⁹ у Синайского, стр. 340.

⁴⁰ Синайский, стр. 332-333.

«Для составления такого мрачного представления о направлении Феофана нужно было иметь, - говорит священник Синайский, - много данных и поводов, в которых, впрочем, не было недостатка. Иноверные воззрения действительно стали проникать в церковную сферу. По словам профессора М.О. Кояловича, «Феофан Прокопович громил даже в правительственных актах дорогие русские учреждения: русское патриаршество, русское монашество, русское уважение к чудесам, и в то же время он любитель всего светского, друг светских людей и иноверцев. Наконец, он завершает свое служение Русской Церкви преследованием православного сочинения – «Камень веры», в угоду протестантам-немцам». И такому-то лицу, шаткому как в церковно-исповедных, так и в нравственных началах, Петр вполне доверился, не опасаясь и не предвидя худых последствий для Церкви и настроения людей, воспитанных на иных началах, началах благочестия и патриотизма»⁴¹.

Да сам Петр был ничуть не лучше своих сподвижников Феофана и Феодосия. «Действительно, - заключает священник Синайский, - из поступков и отношений Петра народ усматривал, что царь более сочувствует не православию, но лютеранству, последователям которого был дан свободный доступ и простор в русском государстве; лютеранство и католицизм, начавшие проникать в России еще раньше, быстро распространились с воцарением Петра, поселяя в народе опасения за целостность православной веры. Нужно прибавить и то, что Петр препятствовал выходу в печати сочинения Стефана Яворского «Камень веры», направленного против лютеранского вероисповедания и влияния лютеран на дела Русской Церкви и русского общества. Строгость правительства обращена была не на протестантские ереси, нашедшие последователей среди многих русских (Д. Тверитинов и др.), а на домашние особенности и проявления народной религиозности»⁴².

Профессор Нильский утверждает, что Петр I проделывал такие «вещи», с которыми, может быть не мирились в душе даже Феодосий Яновский и Феофан Прокопович⁴³. Самый Синод, учрежденный Петром, есть плод протестантизма. Он был устроен по образцу протестантских духовных коллегий.

Несмотря на предостережение восточных патриархов – избегать малороссийских богословов, несмотря и на заботы московских патриархов

⁴¹ Там же, стр. 333.

⁴² У Синайского, стр 349.

⁴³ «Сборник протоколов общества любителей духовного просвещения» за 1872-73 гг. стр. 254.

(Иоакима и Адриана) предохранить Московскую Церковь от заблуждений и влияний киевских ученых, они все же вторглись в Великороссийскую Церковь и не только разрушили здесь в сообщничестве с Петром уцелевшие еще после Никона кое-какие остатки благочестия, церковности и набожности, но самую Церковь превратили в простое государственное ведомство. Иерархия нового никоновского православия, став со времени митрополита ростовского Димитрия на покатую плоскость протестантизма, быстро превратилась в государственную бюрократию, служащую видам правительства. Сам Димитрий назначен был на ростовскую митрополию не собором епископов и клира, а личной волей Петра. Приняв это назначение, он этим самым подтвердил антиканонический акт царя, нисколько не считавшегося с церковной властью. Он освятил противный Церкви цезарепапизм. У Димитрия не хватило мужества для борьбы с тем злом, которое вносил Петр в церковную область. Подобно своим современникам и друзьям, он был покорным и рабским исполнителем воли и желаний Петра, как бы они ни были противны духу религии.

Зато верующий народ, возмущенный антирелигиозными реформами Петра, отвернулся от самой иерархии того времени, которая не была сослужительницей Христа, и догматическое богословие которой состояло из смеси католицизма и протестантизма.

V

Время, охватывающее жизнь и деятельность Димитрия Ростовского, есть эпоха наиболее поразительного банкротства иерархии господствующей Церкви. Со времен Никона она свернула с истинного евангельского и церковного пути и пошла по дебрям и болотам всяких еретичеств и заблуждений. Потоптав и нравственные устои, оплевав народную веру и святыя чувства народной верующей массы, и лишившись по этим причинам доверия, сочувствия и духовной поддержки со стороны паствы-народа, иерархия стала искать себе опоры в жестоких кровавых расправах правительства с народом, во всякого рода лжи, обмане и подлогах. Неудивительно поэтому сетования митрополита Димитрия на полную пустоту современной ему Церкви, которую он по недомыслию называет *соборной* Церковью. «Оле окаянных, последних времен наших!» - восклицает ростовский архипастырь. «Уже толь от раскола умалися, - продолжает он, - самая истинная соборная Церковь апостольская, яко *едва где истиннаго сына Церкви найти*; едва бо не во всяком граде иная некая особая изобретается вера, и уже о вере и простые мужики и бабы, весьма пути истиннаго

не знающие, догматизируют и учат, якоже о сложении триех перстов, глаголюще, не правый и новый крест быти, и в своем упорстве окаяннии стоят, презревшее и отвергшее истинных учителей церковных»⁴⁴. Досадно Димитрию, что «мужики и бабы догматизируют». Но они несравненно лучше, прямее и вернее понимали церковные вопросы, чем ученые богословы того времени, а главное - их «догматизование» было не холодным и мертвым богословским рассуждением, а плодом необыкновенно возвышенных душевных переживаний, результатом внутренних самых сильных волнений и мук. Ростовский митрополит со свойственным ему диким презрением отзывается о народном веровании, о спорах и учении «мужиков и баб», о кресте и других «догматствованиях»; он гневно и совершенно несправедливо обзывает ревнителей церковных преданий «окаянными»... Через 200 лет после Димитрия Ростовского старообрядцы услышали о себе иной отзыв, идущий от современного нам архипастыря господствующей Церкви, епископа Евдокима, автора замечательной книги «На заре новой церковной жизни», написанной, по его признанию, «кровью сердца». «Не хочу говорить, - заявляет епископ Евдоким, - о том неловком положении, в какое ставили нас почти 200 лет люди, одетые в зипуны и сермяги, с заскорузлыми руками, без всякого образования, но глубоко верные старине, канонам церковным и их правде. И мне приходилось не раз с великим смущением выслушивать эти речи. Больно становилось на душе, когда приходилось видеть, что эта *сермяга или этот зипун прямее тебя смотрит на дело* и исповедует его везде и всюду, никого не стыдясь и не боясь, что *он* отщепенец, а не ты являешься его верным хранителем и истолкователем»⁴⁵.

Взору епископа Евдокима представляются две Церкви: «У нас, - говорит он словами профессора В. Завитневича, - есть теперь две Церкви, одинаково претендующие на православие: одна официальная, затянутая в блестящий мундир, украшенная лентами, орденами, наделенная правами и привилегиями и проявляющая свою веру на официальных молебнах в царские дни». Это та Церковь, ярким представителем которой является Димитрий Ростовский с его трудами и «подвигами». «А другая Церковь, наряженная в серый зипун, гонимая и преследуемая, но полная живой искренней веры и *верная началу вселенского православия*. Которой из них принадлежит будущее, решить, говорят, нетрудно: мертвая будет погребена, а живая будет жить и развиваться»⁴⁶. Живая Церковь,

⁴⁴ Нечаев, «Святой Димитрий», стр. 69.

⁴⁵ «На заре новой церковной жизни», стр. 40.

⁴⁶ «На заре», стр. 13.

верная началам истинного, а не казенного православия, это – Старообрядческая Церковь, сохранившая в себе все истинные признаки Церкви Христовой, состоящая только из свободно и добровольно верующих людей. Церковь господствующую прошлого времени епископ Евдоким называет «огромным полем костей». «Углубляясь в прошедшее, мысленно вижу я еще как бы огромное поле костей, покрытых многими рядами всевозможных наслоений»⁴⁷. Ранее епископа Евдокима более видный иерарх господствующей Церкви, особо чтимый за прямоту и искренность, также сознавался в этой убийственной мертвенности своей Церкви: «Будь неладен тот, - сетует Феофан, епископ-затворник, - кто разъединил и разбил древний добрый союз членов Церкви, так вожделенный для блага нашего. О соединении всех Господу помолимся. Чего у нас нет? Одно из величайших зол – полицейская, приказническая форма в делах церковных. Она *всех охватила и всех закалила северным холодом, и жизнь замерла. Присмотритесь: у нас нет отцов в Церкви..., а что-то страшное, надзирательное, судебное.* Потому от отцов не течет к детям свет и тепло, и дети стоят спиной к отцам»⁴⁸.

«Неладный день», расколовший Русскую Церковь на две половины, начался с бессмысленных и противных древней Церкви реформ бывшего патриарха Никона. С тех пор на месте истинно, отеческой иерархии стоит это страшное инквизиторское чудовище, затянувшее петлю над русской церковной жизнью, над народным духом, волей и сознанием.

Замечательно признание Димитрия, что современная ему господствующая Церковь до него была «умалена», что «едва где истинного сына ея найти» возможно было. Это – бесспорное свидетельство о том, что народ во всей своей огромной массе не сочувствовал никоновским и петровским церковным реформам, не шел по гибельному пути высшей иерархии. Около нее было лишь, - передадим верное определение этого состояния депутатом Милюковым, - «пустое место, которое носит громкое название господствующей Церкви»⁴⁹.

«Все люди набожные, - свидетельствует Мельников-Печерский, - все люди, преданные Церкви, уклонились от Никона и образовали раскол. Сюда принадлежало преимущественно простонародье, особенно женщины. Напротив, люди более или менее *равнодушные* приняли все введенное Никоном. Сюда

⁴⁷ Там же, стр. 25-26.

⁴⁸ Там же, стр. 35.

⁴⁹ См. в изданном Советом съездов «Законопроекте о старообрядческих общинах», стр. 78.

принадлежало большинство людей высших классов тогдашнего общества»⁵⁰. Для них было все равно – кому и во что верить. Сегодня они готовы сжигать и проклинать то, чему еще вчера поклонялись и что публично и торжественно благословляли и они сами, и их предки в течение многих веков. «На одной стороне, - подтверждает и П. Милюков, - стоял Никон, вооруженный авторитетом восточных патриархов, а также и той «веревкой», которой, по его собственному признанию, он иногда «смирал помалу в церкви» своих подчиненных, и которая в его употреблении сильно напоминает знаменитую дубинку Петра Великого. На другой стороне очутилась *вся масса ревнителей русского благочестия*, приученная авторитетом Церкви верить в непогрешимость этого благочестия и в русскую всемирно-историческую задачу сохранить его в неприкосновенности до Второго пришествия»⁵¹.

Без народа, без веры и благочестия, без догматических и нравственных устоев, без духа церковности что могла представлять из себя новая государственная Церковь? «Пустое место», - отвечает депутат Милюков с думской трибуны. «Поле костей», - вторит епископ Евдоким. Да, это «что-то страшное, холодное, мертвое», - подтверждает Феофан, епископ-затворник. Как добавление к этим определениям слышится из-за двухвековой дали печальное признание и Димитрия Ростовского, что и в его время вокруг тогдашней иерархии было пустое место, что-то безжизненное и холодное.

Народ, сильный, великий русский народ, полный живой могучей веры, внутренним горением ко Христу и Его Церкви, ушел в старообрядчество, - вернее и точнее, - остался верным древне русской Церкви, не изменил ей; он пошел под ее святым знаменем и благодатной защитой ее святителе и сонма праведников на подвиги и страдания. Во главе народа шли и священнослужители. В старообрядчество решались переходить только такие священники, которые свое служение Христу ценили выше всего на свете и готовы были во всякое время идти на костер и плаху. Очень многие из них закончили свой жизненный подвиг мученическим венцом. Многие избегли мученического венца, укрываясь от преследований в лесах, горах и «вертепах земных». Было не мало и таких священников, которые вполне сочувствуя старообрядчеству⁵², не решались перейти в него открыто потому только, что «открытое исповедание древнего

⁵⁰ «Исторические очерки поповщины», часть 1, стр. 15.

⁵¹ «Очерки по истории русской культуры», ч II, стр. 43, изд. 1905 года.

⁵² См. у священника Синайского: «Отношение русской церковной власти к расколу», стр. 61.

благочестия, - говорит священник Синайский, - обрекало на жизнь скитальческую, нищенскую, на жизнь в каторге и галерах»⁵³.

Старообрядческие священники имели полное основание сказать о себе словами апостола Павла: «Во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениях, в трудах, во бдениих, в пощениих, во очищении, в разуме, в долготерпении, в благодати, Дусе Святе, в любви нелицемерне, в словеси истины, в силе Божией, оружии правды десными и шуими, славою и безчестием, гождением и благохвалением; яко лестцы и истинни; яко незнаеми и познаваеми; яко умирающе, и се живи есьмы; яко наказуеми, а не умерщвляеми; яко скорбяще присно же радуящесе; яко нищи, а многи боготяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще» (2 Коринф. гл. 6, ст. 4-10).

Шли в старообрядчество не «глупые иереи», которых даже Димитрий Ростовский признавал «ругателями Христовыми», а умные, сознательные, понимавшие все значение иерейского служения, жаждавшие святой, подвижнической жизни. Об огромном большинстве старообрядческих священников не сохранилось, разумеется, никаких сведений. В то время сжигали старообрядцев тысячами и даже десятками тысяч истребляли их. До регистрации ли тут такого ужасного количества мучеников. Умирали они, безвестные, неизвестные. Один только Господь знал, чьи души отходят к Нему. Об очень незначительном количестве священников сохранились кое-какие отрывочные сведения. Из переписки Димитрия Ростовского узнаем, что об одном священнике его епархии ему пришлось давать объяснения даже царице Прасковии Федоровне, супруге царя Иоанна Алексеевича. По словам Василия Нечаева, этот священник «явился защитником» старообрядчества. Димитрий «отрешил его от должности». Но тот «нашел доступ к царице Параскевие Феодоровне; она писала к митрополиту ростовскому в пользу отрешенного священника»⁵⁴. Уже то одно обстоятельство, что за священника вступилась сама царица, показывает, что это был не рядовой иерей, а близко стоявший к царскому дворцу и, несомненно, имевший при нем своих покровителей. За какого-либо «глупца» царица едва ли стала бы хлопотать, отстаивая его достоинство и правоту.

В епархии митрополита ростовского был выдающийся по своему уму и познаниям священник отец Матвей Андреев. Только в прошлом году издано замечательное его литературное произведение: «Беседы его с беспоповцами и

⁵³ Там же, стр. 258.

⁵⁴ Нечаев, стр. 70.

послания к ним»⁵⁵. Поражаешься глубиной его мыслей и обширным знакомством с богословской и исторической литературой того времени. В сан иерея он поставлен самим Димитрием Ростовским 21 ноября 1703 года к храму святителя Николы Чудотворца в село Раменье Пошехонского уезда, Ярославской губернии. Пробыв три года при церкви и, следовательно, в 1706 году Матвей, «ревнуя о благочестии, и по вере истинней, и по святой Церкви, оставил мир, дом, честь, славу и пошел в пустынные скиты, на Керженец, к благочестивым отцам, иноком; и наставник инок-схимонах Онуфрий, и отец священноинок Досифей, схимник Арсений и прочие отцы приняли его вторым чином, т.е. через миропомазание, после проклятия им ересей в 1708 г.». Он сделался, таким образом, старообрядческим священником. Ему действительно было не место среди «глупых и окаянных» иереев, как называл митрополит Димитрий оставшихся в господствующей Церкви попов. Он пошел туда, где жизнь – настоящий подвиг и пастырская деятельность – истинное служение Христу и Его святой Церкви. В его сочинении мы находим чрезвычайно ценное изображение того положения, в котором тогда находилась старообрядческая Церковь, и состояние того духа, которым жили члены ее и который придавал им столько силы и мужества, что и самые чудовищные мучения и пытки не могли сломить их святую веру и твердую преданность благочестию. «Многая убо, - пишет отец Матвей в своем сочинении, - подвигоша гонения на Церковь Христову, и многая святых места, обители и церкви Божия по всей России ученицы Никона раззориша и разграбиша и за благочестия ревнителей и стоятелей различно умориша...» «Множество боголюбивых ревнителей за святую веру и Церковь и крест Христов, старцев пустынных, с ними и бельцов замучили и огнем сожгли; тамож после диакона Александра⁵⁶ сожгли: во Владимире шести человек сожгли; В Казани-граде 30 человек сожгли, а по Волге, на Дону и до Астрахани безчисленное множество прижгли и многими муками различными умучиша, и голодом, и томлением, и огнем пожгоша, и в темницах умориша. Много убо множество людей боголюбивых в Ярославле и на Костроме, в Романове и по иным странам мучили и огнем пожгли, голодом затомиша, и различным предавали мукам, мняся службу принести Богу и веру свою утверждати. И нам, православным, - заключает отец Матвей, - изгнанным за Христову веру и Церковь и честный крест Христов и за непорочные догматы церковные *гораздо любо, что русская наша земля освятилась кровию мучеников новых страдальцов* и исповедников за правую благочестивую святую веру и за честный крест Христов».

⁵⁵ Издан. В.Г. Дружин под заглавием: «Священноиерей Матвей Андреев».

⁵⁶ Старообрядческий писатель диакон Александр был сожжен 21 марта 1720 г.

Это – золотые слова, которые мог сказать только вдохновенный проповедник, полный силы Христовой. Это – голос искреннего служителя Христа, беззаветно верящего в домостроительство Божие.

«Благословен Бог, яко и при нашем роде изростоша мученицы, - продолжает свое заключение отец Матвей, - и сподобихомся и мы, человеки, видети Христа ради заколаемы и мучимы, кровь каплющу, бесом убо страшну, ангелом же любезну, нам же, православным, спасительну. Благодарим Бога, яко сподобихомся видети человеки, о благочестии ратующая по вере и по Церкви поборающая, и за крест Христов умирающе, и противная побеждающая и венчаемы венцы нетленными. Не видети-ж точию сподобихомся, но и да самая телеса страдальцев прияти и у себе венечники и новые исповедники ныне имамы. И якоже Авелева неповинна кровь и Захариина пролиянна между церковию и алтарем, и яко глава Крестителя отсечена на блюде обличаше беззаконнаго Ирода любодееяние, и сожжение обличают повсюду новолюбныя власти, гонители и мучители. Слыши небо и внуши земле, и вы, вся светила небесныя, солнце и луна со звездами, будите свидетели крови нашея, изливающегося за благочестие и за благолепоту церковную и за святыя догматы⁵⁷ Слышите сонме святыи, сынове света, святого Евангелия Христова то ли то есть наша вина смертная, еже исповедуем истинную веру Христову и держим святыи апостол и святыи отец предание, неизменно стоим и боремся за святую соборную апостольскую Церковь»⁵⁸.

Вот где была истинная Церковь Христова. Вот что противопоставлялось «огромному полю мертвых костей» и «пустому месту».

Митрополит Димитрий Ростовский вместо того, чтобы уйти от «мертвых костей» к живому телу Христову – Церкви старообрядческой, блиставшей, подобно звездному небу, необыкновенной красотой и величием многочисленного сонма светильников, ярко освещавших путь в вечное царство Христа, - он яростно напал на старообрядчество и своими ядовитыми стрелами пытался нанести ему тяжелый, беспощадный удар.

VI

Во всех статьях, напечатанных в духовных и светских журналах и в отдельных брошюрах, вышедших по случаю исполнившегося двухсотлетия со дня

⁵⁷ Л. 94.

⁵⁸ «Священноиерей Матвей Андреев», стр. 183-184.

кончины митрополита Димитрия Ростовского и посвященных его памяти, поставлен ему в большую заслугу литературный его труд, написанный против старообрядцев, - книга: «Розыск о раскольнической брынской вере». Это – «ценный вклад в богословско-полемическую литературу православной Церкви против старообрядцев», - говорится в одной миссионерской статье. Екатеринбургский миссионер А. Обтемперанский называет «Розыск» «знаменитым» произведением, «написанным для руководства духовенства»⁵⁹. По уверению миссионера Никиты Гринякина, редактора миссионерского «Колокола» и «Миссионерского обозрения», «Розыск» составлен «настолько обстоятельно, что он за два столетия не понуждался по существу ни в каких исправлениях и *теперь не нуждается*». «Вот, - с упоением восклицает Гринякин, - двести лет уже осталось за спиной «Розыска» и он, несмотря на разросшуюся к нашему времени научно-историческую и богословско-обличительную по части раскола литературу, не сгорбил, не поседел, не постарел». «Доводы святителя донныне остаются во всей своей силе». «По глубине проникновения в сущность предмета, по определенности и закругленности мысли, по остроте анализа богословских понятий, относящихся к «розыскуемому» делу, по обработанности стиля и, наконец, остроумию суждения на счет раскольничьего упования *«Розыск»-юбиляр не имеет себе сверстников*»⁶⁰.

Это – «классический труд», - восхищается им современный миссионер. Действительно, «Розыск» Димитрия Ростовского – знаменитая книга. В ней, как в зеркале отражается все внутреннее достоинство и внешнее обличье противостарообрядческой полемики господствующей Церкви. Эта альфа и омега всей мудрости обличителей старообрядчества. Несколько поколений их воспиталось на «не сгорбившейся еще спине «Розыска»». И в наше время миссионеры вдохновляются все им же.

И сама Церковь господствующая, заявив в 1765 году в особом своем «Увещании недугом раскола немощствующим», что *именно она* «не преминула сочинить и издать книгу «Розыск»»⁶¹, до сих пор не только не отреклась от этого творения, но продолжает издавать его, каждый раз благословляя новый выход его в свет разрешением правительствующего Синода. Только пять лет назад вышло последнее издание «Розыска», до буквальности точное с первым его изданием, вышедшим в 1745 году. «Розыск» - это символическая и догматическая основа

⁵⁹ брошюра Обтемперанского «Святитель Димитрий», стр. 8.

⁶⁰ брошюра Гринякина «Праведный суд Димитрия Ростовского над старообрядческим расколом», стр. 1-4.

⁶¹ См. стр. 2 «Увещания».

господствующей Церкви; это душа и сердце ее. Уничтожьте его, и от всех противостарообрядческой полемики ничего не останется. Современные миссионеры прекрасно знают ему цену и поэтому так цепко держатся за него своими костлявыми руками.

Но есть и другая точка зрения на это «классическое» творение Димитрия Ростовского, «не имеющее себе сверстников». Вскоре после его выхода из печати «Розыск» подвергся критике со стороны старообрядческих писателей. По свидетельству старообрядческого библиографа, известного Павла Любопытного, «ясное и разительное, духом благочестия и убеждения пылающее обличение против книги «Розыска» написал астраханский наставник Григорий Яковлев, скончавшийся в 1757 году⁶². Профессор П. Смирнов указывает и другое сочинение, написанное старообрядцами против «Розыска» в том же XVIII веке. Оно хранится среди рукописей Румянцевского музея, сохранившийся памятник написан на бересте⁶³.

«Розыск» знаменит своей лживостью и чудовищно нелепыми сказаниями о старообрядчестве. Поражаешься смелостью автора, с какой он очевиднейший вздор выдавал в своей книге за бесспорные факты. Трудно указать другую книгу, которая отличалась бы столь же грубыми и дикими обвинениями против старообрядчества, какими переполнен «Розыск». Резкий, ругательный тон его оставляет позади себя все произведения, современные этой книге. У известного исследователя старообрядчества П.И. Мельникова (Печерского), долгие годы лично на местах наблюдавшего жизнь старообрядцев, ознакомившегося с их богатой литературой, изучившего все старообрядческие согласия и их догматические и обрядовые основы, - у него зародилось сомнение: да правда ли, что Димитрий Ростовский написал «Розыск», до того это творение его показалось Мельникову подозрительным и преступным. И он решил утверждать, что «Розыск» - это нечистое дело архиереев елизаветинского времени. «Посмотрите, - предлагает он, - в синодский и другие архивы, не найдется ли чего там о том, как оклеветано было имя Димитрия, как приписано было этому великому человеку то, о чем он и не думал. «Розыска» он не писал – свидетельство тому в самом «Розыске». Это – *нечистое дело архиереев елизаветинского времени*. Сказать правду не грех: мы не ответчики за дело *тупоумных фанатиков*, которые уже сто лет в могиле лежат и которые своим неразумным словом совершили отделение от нас пяти миллионов поповщины. Старообрядцы сами знают, что Димитрий

⁶² «Каталог» Любопытного, стр. 24, 1863 г.

⁶³ Богословская Энциклопедия, т. IV, стр. 1044.

Ростовский не писал «Розыск», что имя его употреблено для большего авторитета, употреблено святотатственно в то самое время, когда открыты его мощи. Его соименник Дмитрий Сеченов (за отъем монастырских крестьян 1000 душ получивший митрополита) и его сотрудники *нехорошее дело сделали*. Через сто лет теперь можно было бы, кажется, поправить дело»⁶⁴.

Напрасны были надежды П.И. Мельникова. «Нехорошее дело» Дмитрия Ростовского ничем теперь поправить нельзя. После Дмитрия сохранились его письма, переписка с друзьями и другие документы, которые решительно и бесповоротно устанавливают, что именно Дмитрий и никто другой – автор книги «Розыск».

Не через сто лет, а вот уже через 200 после кончины Дмитрия миссионеры господствующей Церкви с наслаждением смакуют его творение и авторитетно заявляют, что оно «ни в каких исправлениях и теперь не нуждается». И сама Церковь продолжает благословлять «это нечистое дело».

В задачу настоящей статьи не входит разбор произведений Дмитрия Ростовского. Отметим только более яркие качества «Розыска»

Какими источниками пользовался митрополит Дмитрий для составления «Розыска»? По собственному его признанию, он «ниже слышах когда о расколах, в стране сей обретающихся, ни о лесах брынских, ни о скитах, ни о разньствии вер их, ни о делах их: но уже zde, по Божию изволению, и по указу государеву жити начен, уведах слухом от многих доношений. Предложим убо та, яже подлинно ово от неложных повествователей уведахом, ово от самовидцов слышахом, овая же на письме прияхом»⁶⁵.

Вот источник его сведений о старообрядчестве. Настоящего неподдельного старообрядческого сочинения у Дмитрия под руками ни одного не было. Из нелепых слухов и заведомо ложных повествований он построил свой до сих пор «не сторбившийся Розыск». В фундамент же ему заложил три известных послания «блаженного» Игнатия, митрополита сибирского и тобольского, объересившего всю Русскую дониконовскую Церковь, да тетрадки неизвестных составителей.

«Был у нас в Ростове черный поп Иоасаф, строитель Спасской роевской пустыни Балахонского уезда, - говорит о нем митрополит Дмитрий, - той даде нам малыя тетрадицы, в которых написано слово ответное противу раскольщиков,

⁶⁴ И. Усов «П.И. Мельников», стр. 266-267, издательство Вольф.

⁶⁵ «Розыск», ч. 3, гл. 8, лист 299 об., изд. 1877 г.

а кто слову тому творец, *не написано имени*»⁶⁶. «Святитель Димитрий, - говорит профессор Н.И. Ивановский, - черпал сведения о сектах от других лиц, которые неизвестно каким путем собирали эти сведения»⁶⁷. Секты, совсем не существовавшие в России, Димитрий приписывает к старообрядчеству. Например, «особой секты иконоборцев в русском народе нет *и никогда не бывало*», - говорит Мельников-Печерский⁶⁸, а Димитрий поставил ее в «имена скитов брынских»⁶⁹. Христовщина, ничего общего не имеющая со старообрядчеством⁷⁰, в «Розыске» поставлена первым старообрядческим «скитом» (лист 35). Секты не русского происхождения, а «от еретического, лютеранского и кальвинского, купно и жидовского» корня возникшие, Димитрий также включил в перечень старообрядческих согласий⁷¹. Сюда же он вставил субботников, чувственников, какую-то волосатовщину и другие секты. Коренное беспоповское согласие, федосеевщину, он определял как «не пристающее к беспоповщине» (лист 36). Составленный из мутного источника, «Розыск» наполнен крайне нелепыми баснями о старообрядчестве. «Повествуется у нас в Ростове, - сообщает автор «Розыска», - яко во дни прежде бывшего архиерея, блаженной памяти преосвященного Ионы, митрополита Ростовского, не далече града обон пол езера, *в едином селе*, девка некая от раскольнического зловерного сонмища пришедши и у единого крестьянина в подполье крыющися, обедню некую еретическую тайно совершала, людей исповедывала и причащала. Не точию же простых людей, но и попов: ибо и попы некии безумнии к ней на исповедь тайно прихаживали, и причащение нечестивое от руки ея принимали»⁷².

В другом месте «Розыска» Димитрий дополняет эту картину следующими подробностями: «Причастие же у них бяху некое волшебное, не хлеб, но ягоды, изюм глаголемыя, чарованием напоенныя, ихже причащахуся чином сицевым: изберут от между себе едину девку, и в подполье избы введше ю, в цветное платье нарядят, та по часе исходит из подполья, носящи на главе своей решето, покрытое чистым платом, в решете же ягоды изюм, а в избе множество собравшихся мужей, и жен, и детей. Вышедши убо из подполья девка с решетом, на главе своей носимым, глаголет по подобию иерейскому: всех вас да помянет Господь Бог во

⁶⁶ Там же, лист 34, об.

⁶⁷ Н.И. Ивановский «Судебная экспертиза о секте хлыстов», стр. 87, и у профессора П. Смирнова «Внутренние вопросы в расколе», стр. 98.

⁶⁸ «Письма о расколе», стр. 44.

⁶⁹ Ч. 1, гл. 20, лист 35.

⁷⁰ См. у П. Смирнова «Внутренние вопросы в расколе» стр. 99.

⁷¹ «Письма о расколе», стр. 46-47.

⁷² «Розыск», ч.1, гл 23, лист 40, об.

царьствию своему, всегда и ныне и присно, и во веки веков: они же поклоняющиеся отвечают: аминь. Сие же девка она глаголет, трижды аминь отвечают. И потом девка та дает им то богохульное приношение, вместо причащения святых Таин»⁷³.

Просвещенный автор «Розыска» серьезно верит, что «вкусившие же от тех ягод, абие желают себе смерти». Другой архипастырь никоновской Церкви, Игнатий Тобольский и Сибирский, не менее серьезно утверждает, что старообрядцы «муку овсяную с салом смешивающе, даяху вместо причастия»⁷⁴. Главное – с салом. Ни Димитрий, ни Игнатий, по-видимому, не задавались вопросом: как это старообрядцы, которых они же изобличают в чрезмерном пощении, причащаются в Великом посте салом. И зачем непременно салом? «По остроте анализа богословских понятий «Розыск», - как уверяет современный редактор миссионерских столичных органов печати, - не имеет себе сверстников»⁷⁵. Уже по одному тому, что автор «Розыска» верил в волшебство изюма, допускал в старообрядчестве причастие из сала, девкину литургию, должно признать, что «острота его анализа богословских понятий» была действительно необыкновенной. В «Розыске» утверждается, что старообрядцы «чародейства людей к себе привлекают, младенцы закаляют, субботаствуют по жидовски, едят живыми друг друга в затворе, пред сожжением женск пол блудом оскверняют, мужика Христом делают и Христу кланяются тому» и т.п.⁷⁶ Что может быть чудовищнее этих обвинений. Точно в таких же преступлениях обвиняли и древних христиан их враги язычники.

«Грубым и невежественным образом перетолковывая любовь христианскую и братское единение между собою всех последователей Христовых, также приобщение тела и крови Спасителя в таинстве Евхаристии, в соединение еще с так называемыми «агапами» (вечери любви), язычники думали, что христиане во время своих собраний закаляют младенца, питаются его телом и кровию (смешанною с медом) и после такого ужасного пиршества предаются удовольствиям плотской похоти, не разбирая и не уважая никаких родственных отношений»⁷⁷. «Несмотря на свидетельство Плиния и согласное с ним мнение Траяна, нравы христиан продолжали, - говорит Поль Аллар, - подвергаться клеветам: народ, в особенности, на Востоке, воображал, что собрания

⁷³ «Розыск», часть 3, гл. 1, лист 303.

⁷⁴ «Послания Игнатия», стр. 61.

⁷⁵ Брошюра Гринякина, стр. 4.

⁷⁶ «Розыск», ч. 3, гл. 19, лист 324 об.

⁷⁷ «Святоотеческая хрестоматия», прот. Н. Благоразумова, стр. 66, изд 1895 г., Москва.

попечителей Христовых были преступными оргиями, где к убийству примешивался разврат. Отсюда происходили со стороны легковерной толпы настоящие припадки бешенства, крики, угрожающие просьбы, умоляющие, даже требующие осуждения христиан»⁷⁸.

Несомненно и «Розыск» был составлен и издан с той, между прочим, целью, чтобы вызвать со стороны легковерной толпы «припадки бешенства» и требования преследовать и казнить христиан-старообрядцев. «В «Розыске» есть места, - говорит П. Мельников-Печерский, оправдывая Дмитрия, - описывающие старообрядцев в неправильном, искаженном виде, и это старообрядцами ставится в упрек Дмитрию. Они говорят, будто бы он вымышлял много. Но он не вымышлял, а записывал все, что слышал, и потому неточность рассказа падает не на св. Дмитрия, а на сообщивших ему неверные слухи»⁷⁹. Но нелепость этих слухов была так очевидна, что ее понял бы и самый неразборчивый писатель. Дмитрий, как видно из его «классического» творения, намеренно увеличивал преступления старообрядцев. Он, например, говорит, что у них «иное некое новое евангелие не Христово, но Аввакумово обретется» (лист 41). Дмитрий долго разыскивал это евангелие. Неоднократно просил своего московского друга Феолога прислать ему Аввакумово евангелие. «Нет ли у вас какой новинки, - спрашивал он Феолога, - или диковинки раскольнической? Молю, возлюбленне, аще есть, посли ми. Где бы мне взять евангелие вечное, кое Аввакум раскольник писал? Не возможно ли где в Москве сыскать, прошу». Об этом евангелии повторяет он просьбу и в другом письме: «Евангелие Аввакумово мне зело желается ведать, что в сем писано? Кто ми даст его?». Однако же из «Розыска» видно, что Дмитрий не мог достать этой книги⁸⁰.

По собственному его признанию, он никогда не видел этого евангелия и что в нем написано, «не вемы совершенно», - говорит Дмитрий⁸¹. Это евангелие до сих пор не разыскано по самой простой причине, что его никто никогда не писал. Тем не менее, митрополит Дмитрий решительно и авторитетно заявляет, что «книга сия еретическаго умствования исполнена» и автора ее называет «сатаниным евангелистом»⁸². Нужно действительно обладать особым «проникновением в сущность предмета», чтобы в несуществующей книге «розыскать» еретическое умствование. По этим качествам «Розыск»-юбиляр, -

⁷⁸ «Христианство и римская империя», стр. 38, изд. 1898 г., С.-Петербург.

⁷⁹ «Письма о расколе», стр. 63.

⁸⁰ Нечаев. «Святой Дмитрий», стр. 73.

⁸¹ «Розыск» лист 41, об.

⁸² Там же.

согласимся с г. Никитой Гринякиным, - не имеет себе сверстников и «доводы его доныне остаются во всей своей силе». Недаром же так восхищаются им и современные нам миссионеры господствующей Церкви.

Завидуют они и «обработанности стиля» книги «Розыск». И в этом отношении она – «классический» труд. Вот образчик этой «обработки»: «Несть ли брынская пустыня теми верами своими, яко химера зверь или страшилище, огонь (якоже о том повествуют) от ноздрей своих впускающее ему же глава и перси львовы, брюхо козино, а хвост змиин. Дышет бо брынская пустыня на Церковь Божию своею злобою аки огнем, рыкает хулами аки лев, пасется самопустошно, безпастырно, беззаконно аки коза: а якоже змий во Апокалипсии виденный, хоботом своим отторже третью часть звезд небесных и поверже я на землю, сице брынская пустыня хвосты своя змионравныя посылая во грады и веси, отторгает от церковнаго неба яко звезды души людей православных, и повергает я во свою пропасть. Несть убо брынская вера, несть старая вера, но новая вера, новая химера»⁸³.

Ну, чем это не «стиль» «Миссионерского Обозрения» и «Колокола» - изданий XX века? Тут вся «художественность» налицо: и коза с брюхом, и лев с персями, и хвост змиин, и хобот, и химера, и огонь из ноздрей, и апокалипсический зверь, и прочие страшилища. И все это вместилось в десять строк.

О старообрядческих обрядах, унаследованных нами от древней Церкви, митрополит Димитрий отзывается очень непочтительно и с явным намерением оскорбить святые чувства старообрядцев. Двуперстие он во многих местах своей книги обзывает «армянской двуперстной ересью»⁸⁴ и даже нашел приличным посадить на него демона. «Приличнее им раскольщиком, - наставляет Димитрий, - на своем арменском двоеперстном сложении написать имя демонское, на одном персте «де», на другом «мон»: и тако будет на двух их перстах сидети *демон*»⁸⁵.

Димитрий, обладавший способностью «проникновения в сущность предмета», не мог не понимать, что, посадив демона в то самое место, где старообрядцы исповедуют Христа в двух естествах, он наносит оскорбление Самому Христу. Впрочем, он признавал, что у старообрядцев «ин Исус». «В российском же языке раскольщики, в две токмо силлабы глаголюще ИСУС, не исповедуют Спасителя и Исцелителя душ наших. *И вправду, в них ин ИСУС: не*

⁸³ Ч. 1, гл. 20, лист 37.

⁸⁴ Ч.3, гл. 9, лист 302 об.

⁸⁵ Ч. 2, гл. 27.

истинного бо Иисуса, Спасителя и Исцелителя исповедуют, но некоего Иисуса равноухаго»⁸⁶.

«Ин бо обретесе в них Иисус, глаголемый равноухий», - еще раз подтверждает митрополит Димитрий. Он и не помышлял в то время, что менее чем через сто лет после его смерти сама господствующая Церковь поклонится этому «иному Иисусу равноухому», благословив единоверцев совершать богослужение по старым книгам, по которым вся древнерусская Церковь славилась Господа Иисуса, так насмешливо и зло обозванного в «Розыске» «равноухим».

Митрополит Димитрий в основание своей книги положил послания Игнатия, митрополита сибирского, и, таким образом, утвердил их своим авторитетом. Игнатий же утверждает, что вся древнерусская Церковь, за исключением лишь «зело престарелых людей», в течение многих лет была заражена «смрадом арменского еретического учения»⁸⁷. С этим утверждением согласна и современная господствующая Церковь, доселе издающая и благословляющая книгу «Розыск», и современное миссионерство, откровенно заявляющее, что «доводы святителя донныне остаются во всей своей силе» и что «Розыск» за два столетия «не понуждался по существу ни в каких исправлениях и теперь не нуждается». Очевидно, разрыв свой с древнерусской Церковью и Ее святителями господствующая Церковь и ее миссионеры и не думают скрывать. Напротив, они открыто свидетельствуют, что находятся в расколе с древней святой Церковью.

VII

В своей «классической книге «Розыск», «не сгорбившейся и не постаревшей» и в наши дни, митрополит Димитрий ясно и отчетливо изложил догматическое учение своей Церкви о любви ко врагам. «Веждьте же, известно, о, правовернии, - обращается он с наставлением ко всем чадам своей Церкви, - яко всяк, приятствуяй раскольников, врагов, сущих Церкви Христовы, и дружбу с ними имеяй, и подаяние им от имений своих творяй, враг есть Самому Христу, иже есть Глава Церкви Своей. Якоже бо кто содружайся врагу цареву и питаяй того, несть друг царев, но враг. Сице содружаяйся врагом святых Церкви, сущия тело Главы Христа, несть раб верен Христу, но враждебен Ему есть. И якоже сын любяй врага отча, не любит поистине отца своего, ниже сам от отца достоин любления: сице христианин: любяй враги Христовы, раскольщики и еретики, не любит

⁸⁶ Ч. 1, гл. 15, лист. 25.

⁸⁷ «Послания Игнатия», стр. 94-95, 109-110.

*поистине Христа, ниже сам от Него любимый есть: Христос бо любящия Его любит*⁸⁸.

Никакой милости, никакого снисхождения не должно, по учению Димитрия, делать противникам и врагам Церкви. К ним должно питать только вражду и ненависть. «Добро подражати Давыда, глаголюща: не ненавидящия ли Тя, Господи, возненавидех, и о вразех Твоих истаях; совершенною ненавистью возненавидех я, и во враги быша ми»⁸⁹. Ненависть должна быть ко врагам «совершенной», т.е., самой наивысшей, самой ужаснейшей, какую только возможно иметь в жестокой ко врагам душе. Проповедь человеконенавистничества красной нитью проходит по всему «Розыску». И по этой проповеди он особенно мил и современным нам проповедникам господствующей Церкви. Ужасный догмат ненависти к заблуждающимся людям закреплен в «Розыске» такой угрозой: «Иже знает Бога, послушает нас, а иже несть от Бога, не послушает нас; о сем познаваем Духа истины и духа лестча»⁹⁰. «Дух истины», по понятию «Розыска», - это дух ненависти к заблуждающимся людям.

Не имея в себе ни капли любви к своим противникам, ни тени милосердия, противостарообрядческие полемисты и Христа представляли нелюбящим Своих врагов. В полемических книгах, - говорит священник А. Синайский, - Иисусу Христу приписывалось одобрение и освящение жестоких мер против еретиков и раскольников. Это значит, что в них умалилось значение христианства, как религии высшей во всех отношениях и в отношении требования милосердия, справедливости и великодушия к согрешающим и заблуждающим. Это была крайность, вытекавшая, с одной стороны, из недостатка истинных понятий о сущности нравственного христианского учения в то малопросвещенное время, а с другой – из преувеличенного представления о враждебности и политической неблагонадежности раскольников»⁹¹. Представляя Христа в образе гонителя своих противников, кощунственно срывая с Его Божественного Лица неизъяснимую красоту милосердия, прощения, любви ко всем, противостарообрядческие полемисты преступно клеветают на кроткого, любвеобильного Спасителя мира, извращают основное учение христианства и самую Голгофу низводят на степень какой-то приятельской, незначительной

⁸⁸ «Розыск», в конце его «увещание правоверным».

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ «Отношение русской церковной власти к расколу», стр. 55.

трагедии. Они поэтому – просто нехристиане. Какие-то дикие кровожадные звери, которым даже простая человечность недоступна и непонятна.

«Розыск» утверждает, что «Христос бо любящая Его любит». Совершенно противоположное говорит святое Евангелие. Христос не только любил своих врагов, но то же делать заповедал и своим ученикам: «Я говорю вам, - наставлял Он Своих учеников, - *любите врагов ваших*, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»⁹². Говорить о Христе, что Он любил только любивших Его, это значит унижать Его до степени язычников и учение Его ничем не отличать от языческого учения. Апостолы не так понимали Христа и Его благовестие о любви. «Оправдавшись верою, - говорит апостол Павел, - мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией, и не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения – опытность, от опытности – надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще были немощны, в определенное время умер за нечестивых, ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть кто и решится умереть. Но Бог свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками»⁹³.

Божественную свою кровь Искупитель мира пролил за всех – за весь мир, за грешников и нечестивых. Он так их любил, что пострадал и умер за них «нам оставив образ, да последуем стопам Его»⁹⁴. Действительные Его ученики всегда шли по этим святым стопам и любили, по примеру Христа, своих гонителей и врагов Божиих. «Что убо, - спрашивает святой Иоанн Златоустый, - аще врази суть и еллини, не подобает ли их ненавидети?» И отвечает: «Ненавидети убо не оных, но веру их, не человека, но злое деяние и растленный нрав: человек бо – дело Божие, прелесть же – дело диавола, занеже и жидове и хульницы бяху и

⁹² Мф. 5, 44-48, Лк. 6, 27-35.

⁹³ Рим. 5, 1-8.

⁹⁴ 1 Петр. 2, 21.

гонители и досадители и тьмами на Христа глаголаху злая, убо ненавидеша ли тех Павел, иже паче всех Христа любяй? *Никакоже, и любяше, и вся о них творяше*»⁹⁵. По толкованию же «Розыска», «любяй враги Христовы не любит поистине Христа»⁹⁶. Отсюда ясный вывод, что составитель «Розыска» не признавал апостола Павла, а с ним и остальных апостолов любящими Христа. Ссылка его на пророка Давыда делалась еще во времена Златоуста проповедниками ненависти. Но вот какое разъяснение дал на нее вселенский учитель: «Что убо рече Давыд, - ставит вопрос Златоуст, - ненавидящи ты, Господеви, возненавидех и о вразех Твоих истаях? Совершенною ненавистью возненавидех их?» И объясняет: «Тогда бо сиречь во Ветсем, не точию нечестие едино, но и самех нечествовавших ненавидети им повеле Бог, да не дружество вина будет тем законопреступления, сего ради и сродства отсече и отвсюду их огради. Ныне же, понеже на большую проведе нас премудрость и высочайшую вреда сотвори и приходити, и утешати повелевает. Видиши ли, - заключает преподобный Никон Черногорский, - великаго учителя, како глагол сей, еже ненавидящи Ты, Господи, возненавидех, на коеждо время по приличию прият в поучение, и апостола свидетеля предлагает»⁹⁷. Как далеки «от большой и высочайшей премудрости» Божией взгляды и понимания «Розыска», целиком взятые от древних гонителей христианства. Но Церковь Христова никогда их не разделяла. Ярким выразителем Ее взглядов и учения был величайший светильник Ее Иоанн Златоуст. Век Златоуста был еще близок тому великому событию, когда римский император стал христианином. Это крупное завоевание Церкви в свое время наполнило сердца христиан, дотоле гонимых или чувствовавших свою непрочность в государстве, самыми радостными надеждами. Но Златоуст остался холоден к этой победе. Во всех его многочисленных сочинениях мы не найдем ни одной строки, которая бы изобличала в нем желание опираться в своей религиозной деятельности на власть императора, склонившегося пред крестом и снявшего свой венец пред останками мучеников. Напротив, с ясностью, не допускающей никакого сомнения, он говорил: «непозволительно христианам ниспровергать заблуждения принуждением и насилием; нам заповедано словом, убеждением и кротостью совершать спасение людей. Ни один христианский император, - продолжает он, не издавал и не станет издавать указов против язычников. Но хотя бы светская власть в своих заботах о земном благополучии и была вынуждена прибегать к насилью, то для священника в деле религии оно

⁹⁵ См. в книге преп. Никона Черныя Горы, сл. 25, лист 183 и об.

⁹⁶ Лист 341 об., по изд. 1877 г.

⁹⁷ Кн. Никона Черныя Горы, сл. 2, л. 9; сл. 25, лист 184.

совершенно недопустимо. Царь и священник – это две противоположности. Царь заставляет, священник убеждает; тот действует повелением, этот советом; тот имеет оружие чувственное, этот – духовное». Не язычников и не еретиков нужно ненавидеть, - часто повторяет проповедник, - а порок и ересь⁹⁸. Народ порицал Златоуста за то, что тот дал убежище в святилище *врагу Церкви*, корыстолюбцу и грабителю Евтропию, первому министру императора Аркадия. Народ не мог возвыситься до благородства своего пастыря, который в этой именно пощаде врага видел величайшее торжество Церкви. Для Нее, - говорил он, - «это самый славный трофей, это Ее блестящая победа, это посрамление эллинов, это пристыжение иудеев. В этом с новым блеском проявилось величие Церкви; взяв в плен врага, она не только щадит его, но когда все оставляют его одиноким, она одна, как нежно любящая мать, скрыла его под своим покровом и стала против царского гнева, против ярости народа и против невыразимой ненависти»⁹⁹. Каким сильным обличением звучат эти слова Златоуста против «Розыска», наполненного одной лишь ненавистью к своим противникам. Если бы не на «Розыске» и его догматах воспитывались противостарообрядческие миссионеры, а на учении Христа и Его святой Церкви, на творениях величайшего Ее святителя, святого Златоуста, тогда бы они, может быть, устыдились своего братоненавистничества и перестали бы искать себе опоры в гонениях и насилиях. «Розыск» же ведет их по старому пути, по пути вражды, озлобления и ненависти.

VIII

Петр I, возвратившись в 1699 году из-за границы, принялся за государственные и церковные реформы, нередко выливавшиеся в странные и дикие посмешища над вековыми русскими обычаями, над народной верой, совестью и благочестием.

Великий царственный реформатор ни перед чем не останавливался и доходил до кровавых операций над страной, лишь бы восторжествовали его затеи и намерения. Обладая большим проницательным умом, дававшим ему возможность проникать в «корень вещей», понимать, что в каждом деле – особенно народном – ценно внутреннее его содержание, Петр в то же время был большим поклонником внешности, видимости и ошибочно думал, что стоит только переменить ту или иную форму, тот или иной покров, как скрывающаяся под ними сущность сама собой переменится, станет отвечать новой форме, в которую ее облекли. Петр I

⁹⁸ См. в книге профессора И.В. Попова «Св. Иоанн Златоуст и его враги», стр. 15-16.

⁹⁹ Там же, стр. 52 и в Творениях его т. 3, стр. 405.

начал государственные реформы, смешно сказать, с русских бород. Он серьезно думал, что поголовное бритье сделает русскую страну такой же культурной, как европейские государства того времени, точно в самом деле борода мешала своевременному открытию электричества, изобретению телеграфа, телефона, устройству железных дорог, фабрик, заводов и т.п. В старину было правило: «если хочешь, чтобы чадо твое было разумным, сокруши ему ребра». Петр крепко держался этого правила. Но к «сокрушению ребер» он прибавил еще искоренение бороды. В книге «В сказочной стране» Кнут Гамсун рассказывает о батумских пшютах: «Есть здесь и пшюты, уличные франты, в высочайших воротничках и вышитых шелковых рубашках, со шляпами набекрень и толстейшими палками. Пшют здесь, как и везде, добродушная тварь. Если познакомишься с ним поближе, то будешь приятно поражен его добродушием и любезностью. Он наряжается так не из высокомерия, нет, ему просто хочется в свою очередь сделаться «изящным малым», и он выбирает поэтому такой, несколько внешний способ, быстро приводящий его к цели и стоящий мало труда. Шляпой человек может прославиться скорее, чем книгой, или произведением искусства. Этим и пользуется пшют; почему бы и нет? Быть может, он внутренне радуется тому, что так прогремел, тогда он является уже пшютом по убеждению. Бог весть, насколько его жизненная миссия велика и имеет право на существование. Он пробный камень моды, он знакомит с нею, вводит ее»¹⁰⁰.

Петр I был во многих случаях таким же модником; бритьем он надеялся сделать Россию страной цивилизованной. Были попытки и до него просветить наше государство на такой же манер пшютов. «Московским послам предписывалось при Алексее Михайловиче, - говорит профессор В. Ключевский, - подговаривать за границей на государеву службу трубачей самых добрых и ученых, которые умели бы со всяким свидетельством на высокой трубе танцы трубить. При дворе и в высшем кругу развивается страсть к «комедийным действиям, театральным зрелищам». Русские просветители «начали иноземным офицером и немецкой пушкой, а кончили немецким балетом и латинской грамматикой. Вызванное насущными материальными нуждами государства, западное влияние вместе с необходимым приносило и то, чего не требовали эти нужды, без чего можно было пока обойтись, с чем можно было еще повременить»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Стр. 262-263, изд. Саблина.

¹⁰¹ «Курс русской истории», 3, стр. 350 и 362.

Можно было бы обойтись и без брадобрития, этого совершенно ненужного для культуры явления. Но Петр был другого взгляда на это дело. Он объявил настоящую кровопролитную войну против русских бород. В 1699 году был издан первый указ против ношения бороды, затем он был повторен в 1701 и 1705 годах. Указом требовалось, чтобы все на Руси, исключая лишь духовных лиц, брили обязательно бороды. За неисполнение этого указа гости должны были платить за бороду 100 рублей, царедворцы, люди дворовые, городские, служилые и торговые второй статьи – 60 рублей; торговые третьей статьи, посадские, ямщики, церковные причетники по 30 рублей. Заплатившие пошлину получали медный знак, на котором были изображены, с одной стороны, борода и усы под словами: «деньги взяты», а с другой – подпись 207 (1698 год). С крестьян указом 1705 года велено было брать по две гривны за каждый приход в город и без пошлины их к городским воротам не пускать. В 1722 году приказано брать за бороду 50 рублей пошлины со всех, исключая государственных крестьян и духовенства, причем для носящих бороду установлен особый покррой платья. В 1724 году велено было «женам бородачевым» носить платья опашни и шапки с рогами. Указы о стрижке бороды в связи с запрещением носить русское платье, вызвали недовольство всех сословий. Во многих городах появились воззвания, запрещающие брить бороды. В Астрахани в 1705 году вспыхнул даже бунт, за который казнено 365 человек, а еще больше было сослано в Сибирь. Борода у русских была в то время предметом глубокого уважения, как символ русской народности. Поэтому понятно то возмущение в народе, которое вызвали петровские указы о брадобритии. «Не можно никому изобразить, - замечает по этому поводу составитель жития Петра Великого, - того великого смущения, каковое произвел в сердцах россиян такой Его Величества указ». Как было не волноваться и не бунтовать народу, когда лишали его свободы даже носить бороду. «Неужели он, - восклицает в своем дневнике известный академик А.В. Никитенко, говоря о русском народе по другому случаю, - неужели он всем обязан только тому, что всегда повиновался власти – этой гнусной способности рабов». Нет, - ответим мы, - это была бы клевета на великий русский народ. Он дорого ценил свою свободу, дорого и платил за нее, очень часто рассчитываясь за нее своей кровью и жизнью. В своей, например, борьбе за право ношения бороды народ показал, что он чужд «гнусной способности рабов». Правда, среди него оказалось много и таких, которые готовы были выполнять с рабьей покорностью и более дикие требования властей. Но это все были никониане, равнодушные и к родной стране, и к самой Церкви. Старообрядцы же шли на мучения и пытки, платили и оклад, страшно высокий по тогдашнему времени, но свободу своего духа и своих верований не променяли на

положение рабов с «гнусной способностью». «В здоровье духа, - говорит господин Меньшиков, - входила целая система культов: религиозный, государственный, племенной, семейный. Поколение Петра бесповоротно веровало в Бога, притом веровало единодушно, в православных способах выражения. Последние были превосходны не тем, что были лучше других, а тем, что были родные, вошедшие в самую плоть духа. Восемь столетий подряд поколения переживали возвышеннейшие чувства все в тех же словах и напевах, обкуриваемые тем же ладаном, освещаемые теми же восковыми свечками и лампадами. Как пение петуха, колокольный звон вошел в нервы нации, и она готова была драться до смерти за эти милые вещи: пенье дьячка, пенье петуха, мычание коровы, колокольный звон...»¹⁰² «Спас Россию и погубил ее один и тот же гениальный человек, - говорит тот же писатель, - Петр взял от Запада одновременно и нужное, и ненужное. Спасительная была наука, но только точная наука. Благотворно искусство, необходимы изобретения, но совершенно не нужно было западное невежественное презрение к нашей национальности, западное недоверие к нашему таланту, западное сомнение в нашей культуре. При Петре и после Петра в Россию вместе со светом и чистым воздухом напустили и эти отравленные миазмы. Раскольники прозорливо почувствовали пришествие антихриста. В самом деле, в Россию проник и укрепился дух «отрицанья, дух сомненья», дух самооплевания и самопрезрения. Петр как бы вынул из общества русского то, чем Россия строилась: веру в свое «я»¹⁰³.

Указы о бритье бород, издевательства над ними были именно самооплеванием и самопрезрением. Замечательно, это признание современного публициста, что старообрядцы прозорливо почувствовали пришествие антихриста. Верно, в самом деле, реформаторская деятельность Петра, направленная к унижению и оскорблению народной веры и народных преданий и заветов, была столь дикой и чуждой здравого смысла, что она представляется антихристианской даже человеку XX века. Вдумчивый А. Леруа-Болье называет первым русским нигилистом Петра Великого, - но в таком случае, - соглашается Меньшиков, - «он был первым европейским нигилистом»¹⁰⁴.

Как же господствующая Церковь петровского времени или точнее – тогдашняя иерархия относилась к таким «государственным реформам» Петра, как бритье бород. Она не только не протестовала против петровских указов, напротив,

¹⁰² «Письма к ближним», 1909 г. стр. 456.

¹⁰³ Стр. 610.

¹⁰⁴ «Письма к ближним», 1908 г., стр. 207.

- своим авторитетом и властью очень усердно поддерживала войну Петра I против бороды. И первым борцом в этой кампании со стороны иерархии выступил Димитрий, митрополит Ростовский. В своей книге «Розыск» он мужественно выступил на защиту брадобрития, посвятив этому вопросу три больших главы (18, 19, 20) второй части своей книги. Димитрий рассказывает здесь любопытный разговор свой с «некими брадатymi человеки». «В лето 1705, бывшу ми во граде Ярославле, в июне и июле месяцах, и во един от воскресных дней из церкви соборней по святей литургии изшедшу ми, и к двору своему грядущу, два некия человека брадаты, но не стары, приступльше ко мне, воззваша, глаголюще: владыко святыи! как ты велишь, велят нам по указу Государеву брады брители, а мы готовы главы наши за брады наши положить; уне есть нам, да отсекутся наши главы, неже да бриются брады наши! Аз же нечаянному и внезапному вопросу тому удивихся, и не возмогах вскоре что от Писания отвецати: противу вопросих их, глаголя: что отрастет, глава ли отсеченная, или брада обриенная? Они же усумневшеся и мало помолчавшее реша: брада отрастет, а глава ни. Аз же рех им: уне убо вам есть не пощадити брады, яже и десятирицею бриема отрастет, неже потерять главу, яже единою отсечена, не отрастет никогдаже, разве во общее всех воскресение»¹⁰⁵. Этот ответ почти во всех статьях, посвященных памяти митрополита Димитрия по случаю исполнившегося двухсотлетия кончины его, отмечен, как замечательно остроумный. Нм же он кажется замечательным не по остроумию, а как яркая характеристики того духовного склада, которым отличалась высшая иерархия петровского периода. Береги прежде всего голову, потому что она никогда больше не вырастет, а все остальное, что может десять раз быть восстановленным, не важно. Если бы такого правила держалась христианская церковь, то в ней едва ли был бы хотя один мученик. Отречься от веры, согнуть свою совесть в какую угодно сторону, потоптать свое учение – все это очень легкое дело. Во всяком случае это далеко не то, что положить голову на плаху или быть сожженным на костре. Веру сотни раз можно переменить, велика ли беда, что ты ее обрезал, она отрастет быстрее даже бороды. А вот с плахи или костра живой не встанешь. Не так, к счастью, смотрели христиане на дело совести и веры. Виленские мученики святые Антоний, Иоанн и Евстафий пошли на страдания, но не подчинились требованию нечестивого князя Ольгерда – снять бороды¹⁰⁶. Будь на их месте митрополит Димитрий, он, конечно, поступил бы иначе.

¹⁰⁵ «Розыск», ч. 2, гл. 19, лист 156 об.

¹⁰⁶ См в Четии-Минеи 14 апреля.

Под влиянием ли петровских указов о бороде или по собственному убеждению, митрополит Димитрий проявлял необыкновенное презрение к бороде и бесчестил ее плевками. «Послах вашей милости, - писал он к другу своему Феологу, - бороду капитонскую изрядную, долгую, широкую, расчесанную. *Не жаль плюнуть в ню*. О брадах двое тетрадей: едину твоей честности, другую господину Федору Поликарповичу изволь от меня вручить»¹⁰⁷. Через несколько времени, не имея известия о получении этих сочинений о бороде, митрополит Димитрий писал еще к Феологу: «Дошла ли рук ваших борода капитонская, юже послах честности твоей и господину Поликарповичу с казначеем вашим Филатом? Прочтите и рассудите, хороша ли, годится ли кому в пользу? А буде не годится, не понравится, *то плюньте в ту писанную бороду*»¹⁰⁸. Совет о плевках ростовский архипастырь дает еще в одном письме в Москву: «Не надобно ли вам, - пишет он своим друзьям, - богов поганских? Послах к вам, буде изволите принять. Зело полезно прочитати и *плюнуть*»¹⁰⁹. В то время этот обычай плевать во все русское был эпидемическим. Плевали не только на русскую бороду, на русскую одежду. Оплевана была самая душа русского народа, его вера, святыни, предания, обычаи. «Взяли чужие вкусы, - пишет Меньшиков, - получили отвращение к своим вкусам, т.е. отвращение к самим себе. Опасно всякое предательство, но нет опаснее самопредательства, отвержения от своего «я». Поистине это равносильно богоотступничеству»¹¹⁰. К этому «богоотступничеству» Петр I притянул и новосозданное им церковное учреждение – правительствующий Синод, который в войне с бородой проявил поистине героические подвиги. В 1722 году подтверждено было указом следующее: «Понеже о бородачах по сие время смотрения нет и все по старому целыя и стриженыя бороды противно указу, носят, того ради, подтвердить накрепко, чтобы фискалы непременно смотрели, кто бороды носит и не указное платье, и чтобы под видом бритья не подстригали бород, понеже стриженую бороду за целую считать надлежит, и дабы таких бородачей, у которых ножницами подстрижена, а не выбрита бритвою борода, ловить и приводить в губернскую канцелярию, а в провинциях – к комендантам и воеводам. Ежели же которые из таких бородачей несмотрением фискальским впредь явятся, или мимо фискалов приводиться будут в приказы, то за оное несмотрение учинено будет то, чему подлежат те бородачи, и кроме того отнятие имения». В это же время состоялось распоряжение о ношении старообрядцами особого платья для отличия

¹⁰⁷ «Дмитрий Ростовский», В. Нечаева, стр. 78.

¹⁰⁸ Там же, в примечаниях.

¹⁰⁹ Стр. 78.

¹¹⁰ «Письма к ближним», 1908 г., стр. 421.

их от никониан. Платье это нужно было носить летом и зимою»¹¹¹. Устраивалась по всей России дикая охота на бородачей. Требовалось, чтобы борода была не подстрижена только, а выбрита начисто. По делу о бородах правительствующим Синодом издан целый ряд указов один другого курьезнее. Война с бородой тянулась целые десятилетия. На травлю за бородачами высылались не простые фискалы, а архимандриты и миссионеры. Читая об этой войне, поражаешься необыкновенным усердиям героев ее. Можно подумать, что у Синода и у правительства не было других дел, кроме этой варварской и убийственной войны. С театра военных действий синодальные агенты приносили иногда чрезвычайно любопытные донесения о своих удачных походах. Известный обер-иеромонах Маркел Родышевский, командовавший в Риге, о своей деятельности извещал Синод, что он «прилежным тщанием везде где крившийся у бородачат раскольников в бодах их гнездившийся пакостный змий с оным гнездом своим, еже есть бородами, истреблен и всегда истребляется, и суеверие всякое от среды изъемлетя, правда же насаждается, елико мощно». Средством для истребления Родышевский избрал прямое грубое насилие. Это видно из того, что он «взял под караул до 500 человек, не бывших у исповеди и святого причастия, и, как овец, загнав их в цитадель, велел говеть и всех сподобить святых Таин»¹¹². Таким способом синодальный обер-иеромонах «насаждал правду» и «истреблял» «змеиные гнезда», сиречь бороды. Какими средствами пользовались другие чиновники, это понятно из одной уж этой обер-иеромонашеской «правды». Правительствующий Синод так ревностно принялся за брадобритие, что ввел его в чиноприем приходящих к Церкви. Брадобритие стало таким же таинством, освящающим душу, как миропомазание, причащение, крещение. Даже бóльшим и важнейшим, так как оно освобождало от государственных налогов. «По особому решению святейшего Синода в ответ на запрос архимандрита Антония от 9 февраля 1722 года, кто, - говорит священник Синайский, - по обращении из раскола, *сбривал бороду* и не носил старого платья, тот освобождался от уплаты штрафа за бороду, хотя бы прежде не платил по каким-либо причинам»¹¹³.

Брадобритие, несомненно, сильно увеличивало количество чад синодальной Церкви. Брадобрийная война давала и материальные выгоды Церкви. Собранные со старообрядцев деньги поступали в распоряжение правительствующего Синода и шли на «строение» монастырей, храмов, содержание духовенства и на другие

¹¹¹ «Отношение к расколу», свящ. Синайского, стр. 259.

¹¹² «Отношение к расколу», свящ. Синайского, стр.265-266.

¹¹³ «Отношение к расколу», стр. 258-259.

церковные дела¹¹⁴. Любопытно было бы подсчитать сколько в господствующей Церкви создано новых монастырей, воздвигнуто новых храмов за счет старообрядческих бород. Может быть, добрая половина их принадлежит нашим бородачам. «Стыдно становится за Церковь, - говорит знаменитый богослов А.С. Хомяков, - до того низко упавшую, что она уже не совестится рекомендовать себя правительством или народом, словно наемная дружина, выторговывающая себе за усердную службу денежную плату, покровительство или почет»¹¹⁵.

Чем же кончилась война правительства и Церкви с бородою? Кто вышел победителем в этой неравной борьбе? Ровно через сто лет после первого указа о бородах очень незначительная часть старообрядцев обратилась к правительствующему Синоду с требованием «устроить» особую церковь, которая потом получила название единоверческой, с тем, однако, чтобы «не принуждать старообрядцев к допущению на общие моления знаменующихся тремя перстами, *брады бриющих* и прочие имеющих несогласия с древними обыкновениями»¹¹⁶.

Эти старообрядцы убежденно заявляли, что они хотя и соединяются с господствующей Церковью, но бритых чад ее считают до того преступными, что не находят возможным даже молиться с ними, т.е. считали их явными еретиками.

Как же Синод ответил на это требование единоверцев? После столь жестокой и дикой войны с бородою, он вынужден был преклониться перед ней, сдаться в плен. В 1800 году Синод принял и утвердил правила единоверия. Борода победила и правительство, и Синод. Мало этого. Даже через 200 лет борода пустила такие глубокие корни внутри самой господствующей Церкви, что на прошлогоднем миссионерском съезде, бывшем в Киеве, «даже миссионер господствующей Церкви о. Ч-нов (Витебской епархии), дошел до того, - как сообщает Никита Гринякин, - что поднял голос против участия в занятиях съезда по единоверию членов съезда, бреющих или подстригающих бороды, и поднял настолько громко и настойчиво, что преосвященный председатель вынужден был напомнить ему о пространстве вне залы собрания»¹¹⁷. Председателю ничего другого не оставалось делать, иначе самый съезд не состоялся бы. Таков результат похода господствующей иерархии против бороды, впервые открытого ростовским митрополитом Димитрием. «Видимо, - замечает по этому поводу

¹¹⁴ См. «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания», т. III, стр. 309, № 1450.

¹¹⁵ Сочинения Хомякова А.С., часть II, стр. 83.

¹¹⁶ Пункт 5 правил единоверия.

¹¹⁷ «Миссионерское Обозрение», 1908 года, № 9, стр. 1273.

господин Гринякин, - большой еще процент раскольничьей крови течет в жилах таких единоверцев и разумение существа церкви им еще не под силу... Они до сих пор, оказывается, не разобрались еще в бороде... Все опасаются, видите ли, искажения образа Божия в человеке брадострижением и бритьем! Все полагают это за «блудолюбного образа прелесть душегубительных ереси»!... Касательно-де всего прочего по вере и Церкви так-сяк, а уж в бороде, шутки прочь, не уступим... дело идет об образе Божиим»¹¹⁸. Балаганить господин Гринякин – мастер, по этому занятию он среди своей братии занимает первое место. Над единоверцами чего же не побалаганить. Это люди слабые и беспомощные. И все обиды они вынуждены снести молча. Может быть, только подивятся: зачем это Никита, так зло высмеивающий их за бороду, сам бреется, раз он своим умом дошел до того, что борода так себе, совсем ненужная вещь. Ну, и пусть бы росла.

С брадобрейной мудростью современного редактора «Миссионерского Обозрения» любопытно сопоставить рассуждение нововременского публициста господина Меньшикова о лошадином хвосте. Единоверцы отстаивают неприкосновенность собственной личности, но послушаем, как ратует господин Меньшиков за честь животного четвероногого. Летом настоящего года открыт в Петербурге памятник Императора Александра III. Фигура Императора на памятнике усажена на бесхвостую лошадь. «С какой стороны, - говорит Меньшиков, - ни посмотрите на памятник, грубой ошибкой было со стороны скульптора князя Трубецкого сажать своего всадника на безобразную лошадь. В качестве декадента скульптор наш не мог не пересолить, не подбавить еще особенного искусственного безобразия. Он отрубил у уродливой лошади хвост! Вот несчастная мысль, бесповоротно доказывающая отсутствие гениальности у даровитого художника! Он отрубил хвост, да еще как: по самый круп, - с той, видите ли, целью, чтобы яснее выразить идею упорства, напряжения лошади. Бедная лошадь! И печальна участь Создателя, сотворившего одно из прекраснейших животных, не предполагая, что хвост помешает ему выразить все идеи, какие в нем заложены. Но позвольте, господин художник! Что касается идей, выражаемых монументами, то все они хороши, кроме забавных. Обрезав хвост у лошади, вы уродливое чудовище сделали сверх того смешным, что невольно профанирует фигуру всадника и весь монумент. Вы для кого собственно строили памятник – для народа русского, не так ли? Ну, так знайте, что народ русский может признать, пожалуй, бесхвостое искусство, но никогда не признает бесхвостой лошади. Русский народ – потомство скифов – несколько тысяч лет

¹¹⁸ Там же.

обращается с лошадьми, и фигура лошади с хвостом въелась в самый мозг народный. Мужик не понимает, для чего нужна борода, хотя и дорожит ею, но он отлично понимает, что хвост лошади необходим, в нашем болотистом климате с мириадами комаров хвост не менее необходим, чем копыта. Хвост отнюдь не такая часть тела, которую можно отнять по капризу художника, это не дамский шлейф, который может и не быть. Вы скажете, стоит ли много говорить о хвосте лошади? Но отбейте орган даже более мелкий, чем хвост, например, нос у статуи, и скажите, важно это или не важно. На меня лично кургузый битюг князя Трубецкого произвел удручающее впечатление. Я убежден, что бесхвостая лошадь будет осмеяна всей страной, - теми десятками миллионов простых людей, что приезжают в Петербург и уезжают, развозя по деревням легенды о столичных чудесах»¹¹⁹. Жаль, что не было господина Меньшикова на киевском миссионерском съезде. Он, несомненно, присоединился бы к голосу витебского миссионера, и Никита Гринякин был бы им высмеян так же жестоко, как высмеяна лошадь Трубецкого.

Удивительны эти недалекие господа из миссионерского лагеря вроде Гринякина. Все, что не подходит под их «мудрую мерку», они объявляют непременно невежеством. Никогда не признаются в собственно глупости, точно они какие-то непогрешимые боги. Им кажется большой несообразностью утверждение, что человек и по внешности своей сотворен по образу Божию. Между тем, мы находим такое утверждение не в темных каких-то раскольнических тетрадках, написанных в давно минувшие века, а в современном произведении, изданном только два года назад лучшими и умнейшими богословами господствующей Церкви, которым господин Гринякин, по своему скудоумию и убожеству, что называется, и в подметки не годится.

«Учебник говорит, - читаем мы в брошюре «Христианство нашей школы и христианство слова Божия», изданной редакцией журнала «Век», - что «образ Божий не в теле, но в душе». Между тем, библейский текст таков: *«И сотвори Господь человека, по образу Своему сотвори его и вду в лицо его дыхание жизни»*¹²⁰. Стало быть, сначала был дан образ, а потом душа. На каком основании сделано это изменение библейского рассказа? Но допустим, что душа Адама создана была по образу Божию. Что же тогда представляло тело его? Или допустим, что тело человека есть нечто произвольное, фантастическое, ничего общего с внутренним содержанием человеческого естества не имеющее, - какой-

¹¹⁹ «Письма к ближним», 1909 г., мая, стр. 372.

¹²⁰ «Бытие», 2, 7.

то бессмысленный футляр, скрывающий содержащуюся в нем драгоценность? Нас учат, однако, что Бог создал Адама непорочным, т.е. совершенным, а если совершенным, то и прекрасным. И можно ли допустить, что Господь, среди дивной велелепоты мироздания, сотворил царя природы безобразным? Прекрасное определяется как соответствие идеи и формы, или как полное выражение идеи в форме. Стало быть, Адам в форме своей выражал свою идею, т.е. тело его соответствовало душе и было богоподобно. Уклонение от библейского текста в данном случае является путем к протестантству. Действительно, вникнув в разбираемый вопрос, мы увидим, как наше преподавание Закона Божия неизбежно создает массу недоразумений, из которых естественно истекает и непонимание таинства, и пренебрежение к обряду, к иконам и проч. Весь склад нашей мысли проникнут протестантством. Мы пренебрегаем формой и не даем ей никакого значения в вопросах религиозных, сосредотачиваясь лишь на явлениях чисто духовных»¹²¹. Понятны поэтому высмеивания со стороны миссионеров форм и обрядов. Людям с протестантскими мыслями они ничего не говорят и ничего не дают.

IX

Больше всего прославляют митрополита Дмитрия Ростовского за его Четииминеи. «Это – великое бессмертное его творение, - говорится в юбилейной брошюре, изданной редакцией «Народного Образования», - это – драгоценный, неиссякаемый родник духовного назидания»¹²². «Димитрий приступил к этому великому подвигу, длившемуся более 20-ти лет и увенчанному неувядаемою славою его имя, в 1684 году»¹²³. Этим «трудом он оказал, - свидетельствует В. Нечаев, - величайшую услугу всей российской Церкви»¹²⁴. В «Определении» Синода от 12-16 сентября 1909 года «об ознаменовании двухсотлетия со дня кончины Дмитрия» прежде всего отмечается его труд по составлению Четииминеи, «этого священного сокровища, которое он внес в духовную жизнь народа»¹²⁵. Приступить к этому «величайшему подвигу» заставило его то обстоятельство, что «памятники древней письменности и между ними жизнеописания святых уцелели только в великороссийской Церкви. Церковь же малороссийская, после Батыева нашествия, литовских и польских разорений,

¹²¹ «Христианство нашей школы и христианство слова Божия», библиотека «Век», вып. XI, стр. 5.

¹²² «Святитель Димитрий», стр. 15.

¹²³ Там же, стр. 9-10.

¹²⁴ Кн. Нечаева «Святой Димитрий», стр. 15.

¹²⁵ «Церковные Ведомости», №39, стр. 355.

лишилась многих драгоценных духовных книг и вместе с сим и жизнеописаний святых. Любители душеспасительного чтения пользовались в таком случае римскими мученикословиями и легендами на польском или латинском языках, не всегда согласными с духом православия»¹²⁶. Как увидим ниже, этими неправославными качествами отличались и Четии-Минеи самого Димитрия.

Нужно признать, что труд по составлению Четий-Миней, действительно, огромный и заслуживает похвалы. Но неувядаемая слава за него принадлежит не Димитрию, а Макарию, митрополиту Московскому, председательствовавшему на Стоглавом Соборе, бывшем в Москве в 1551 году. Он первый в России собрал Великие Четии-Минеи и вложил в этот труд и большие свои дарования, и большие средства. «Писал есми сия святая книги в Великом Новгороде, - рассказывает о своем труде митрополит Макарий, - как есми там был архиепископом, а писал есми и собирал, и во едино место их совокуплял дванадесять лет многим именем и многими различными писари, не щадя сребра и всяких почестей, наипаче же многи труды и подвиги подъят от исправления иностранных и древних пословиц, переводя на русскую речь, и сколько нам Бог дарова уразумети, толико и возмогох исправити, иная же и до днесь в них не исправлена пребысть и сия оставихом по нас могущим с Божиею помощию исправити»¹²⁷. Весь же труд Димитрия заключался лишь в позаимствовании житий святых из необыкновенно ценного сокровища, собранного величайшим старанием святителя Московского Макария. Причем Димитрий не только не исправил «неисправленное», но еще «приложил» к своим компиляциям «некая мудрования латино-мудрствующих», в чем обличал его тогдашний Московский патриарх Иоаким. Димитрий сам свидетельствует, что он писал жития святых, «преписующи от великих блаженнаго Макария, митрополита Московского и всея России, книг»¹²⁸. В переписке житий, собранных митрополитом Макарием, Димитрию Ростовскому помогал его друг Феолог. К нему Димитрий неоднократно обращался с такими поручениями: «Пожалуй, потрудись моего ради прошения. Приищи в Великой Минеи-Четии, месяца иануариа, в 5 день, под главою: память святаго пророка Михея, не того Михея, иже августа 14, но иже иануариа 5 дне. Каковы ему тамо суть стихи, или синаксарь? Молю, списав скорописно, прислать моей худости немедленно: понеже мне ныне дело есть к тем обоим Михеям»¹²⁹. Пользовался Димитрий макарьевскими Четиями-

¹²⁶ В. Нечаев, стр. 17.

¹²⁷ У В. Нечаева, стр. 17, в примечании.

¹²⁸ В. Нечаев, стр. 28.

¹²⁹ Там же, стр. 49.

Минеями и при втором издании своих Минеи. «Известную чести твоей, - уведомлял он Феолога, - писал к моему недостойнству отец архимандрит печерский, желая, чтобы первую трехмесячную книгу септемврия, октоврия и ноемврия паки начать исправляти ко вторичному печатанию, полнее, нежели прежде, с приложением жития святых тех, иже преминушася. И паки триех великих Минеи-Четий от соборной московской патриаршей церкви дадут ли?»¹³⁰. Опасения Дмитрия, что ему могут не дать макарьевские Четии-Минеи основаны на том обстоятельстве, что патриарх Московский Иоаким отрицательно отнесся к первому изданию трудов Дмитрия.

«Ваше преподобие сотвористе не по своему обещанию, пренебрегшее наше архипастырское повеление, - писал Иоаким архимандриту Киевской лавры, - описавшее книги, сами издаете, без досмотрения и благословения нашего архипастырского, - и сие ваша велия неправда. Второе, приложисте некая словеса, Церкви святей восточней необычная, и в наших книгах, с них же списываете, не обретающаяся. Напечатасте в книзе своей оной, яко Пресвятая Богородица зачата и рождена без первороднаго греха, от Адама происходящаго, и таковое слово в наших книгах, с них же списавшее, печатаете, не обретається. Токмо видим таковое мудрование в книгах латино-мудрствующих, но и тии о сем великия при и раздоры меж собою имут»¹³¹. Этого мудрования держалась вся южно-русская Церковь, и лучшие ее представители: Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский и Антоний Радивиловский открыто проповедовали его. «Это учение, - говорит протоиерей А. Лебедев, - было заимствовано от латинян под влиянием особенных обстоятельств южно-русской Церкви и в особенности Киевской академии того времени. Но церкви великорусская и греческая, не имевшие непосредственного соприкосновения с латинскою, оставались чистыми как от этого, так и от подобных латинских новоучений. Поэтому пока учение о непорочном зачатии держалось в пределах южно-русской церкви, оно оставалось как частное мнение некоторых, незамеченным, но как скоро вошло в столкновение со строгим православием великорусской Церкви, - оно было замечено и отвергнуто, как латинское заблуждение, вместе с другими подобными»¹³². Протоиерей Лебедев или намеренно говорит здесь неправду, или не знает, что на самом деле это учение не только не было отвергнуто в это время великороссийской Церковью, но, напротив, закреплено соборне, как обще признанный догмат. В книге «Жезл правления», «сооруженной» Московским собором 1666 года, определения

¹³⁰ Стр. 15.

¹³¹ У В. Нечаева, стр. 30.

¹³² Книга протоиерея Лебедева «О непорочном зачатии» стр. 104.

которого утверждены и восточными патриархами, и Великим собором следующего 1667 года, говорится: «Жених небесный к невесте своей в Песнях Песней глаголет сице: Вся красна еси ближняя моя, и несть порока в тебе. Сказателие же Божественнаго Писания в первых причитают сие Пречистой Богородице. Того ради и в солнце облеченною невестою, юже Иоанн святыи виде во Апокалипсии, во главе 12, образована быти глаголется. Той же Ея чистоте и святости неции присматривающесе, не усумневаются глаголати: *яко ниже прародительному греху подлежаши: имже и православная церковь видится согласовати*, поющи в день Рождества Ея пресвятаго сице: Поем святое Твое рождество, чтим и непорочное зачатие Твое, Невесто богозванная, песнь 6. И в день возведения Ея в церковь Господню в седалне, по 2-й стихологии сице: Прежде зачатия чистая освятися Богу, и рождьшися на земли, дар принесесе Ему. И аще зде рассуждается некими, яко прежде зачатия Христа Бога во чреве Своем, а не прежде зачатия Своего во чреве матере освятися. Но последующих речений разум понуждает о зачатии Ея Самыя разумети. О том бо зачатии зде глаголется, прежде его же освятися, потом зачаса, таже родися, и дар принесесе Богу чистый, сицевое же зачатие бысть Ея самыя: убо о зачатии Ея самыя сия слова нещевана быти имеют»¹³³. Книга «Жезл» до настоящего времени не отвергнута господствующей в России Церковью и имеет для нее обязательный канонический характер. Поэтому обличение патриарха Иоакима, направленное против Димитрия, относится и к московским соборам 1666-1667 годов, и к восточным патриархам, и ко всей русской Церкви. В последние годы противостарообрядческие миссионеры с особым усердием доказывают на публичных беседах, что учение о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы есть еретический догмат латинства. Они, таким образом, изобличают в ереси и свою Церковь, и переписчика Четий-Миней, автора знаменитого «Розыска».

Митрополит Димитрий Ростовский стяжал себе в господствующей Церкви «неувядаемую славу» компилятивным трудом, - лишь позаимствованием житий святых из Великих Четий-Миней митрополита Макария. Действительный же труженик в этом великом деле, созданном чрезвычайными трудами и любовью, - митрополит Макарий не пользуется никаким уважением в этой Церкви. В ее полемических книгах он порицается невеждой, суеверным, безмозглым и т.п. бранными и унижительными словами¹³⁴. К самому его труду, только позаимствования из которого создали Димитрию такую шумную и даже

¹³³ «Жезл правления», издание нижегородского братства Св. Креста, лист 40 и обор.

¹³⁴ См. «Обличение» Феофилакта, лист 146 и книгу Никифора Астраханского, стр. 154 и друг., изд. 1854 г.

«бессмертную» славу, полемисты господствующей Церкви относятся пренебрежительно и с насмешкой. «В сих Минеях много написано, но зело мало достойно приятия», - с такой злой иронией отзывается о необыкновенно ценных трудах митрополита Макария архиепископ Феофилакт Лопатинский¹³⁵.

Почему же, - удивится читатель, - создалось в господствующей Церкви такое несправедливое и оскорбительное отношение к величайшему из святителей русских – к знаменитому Макарию, митрополиту Московскому? Да видите ли, он председательствовал на Стоглавом Соборе и вместе с ним подтвердил те предания и обычаи церковные, которыми старообрядцы отличаются от господствующей Церкви и которые так ненавистны ей. Вот причина, по которой сорван ореол славы со святителя, действительно заслужившего ее, и отдан другому лицу.

Х

Димитрию Ростовскому принадлежит вполне заслуженная честь по составлению комедий и драм. В устроенной им в Ростове школе ученики разыгрывали пьесы митрополита Димитрия¹³⁶. «Святитель-драматург» высоко ценил театральное искусство и был большим знатоком и усердным поклонником его. Школа его была театром. Для костюмов артистам этого театра, разыгрывавшим различные роли по комедиям ростовского митрополита, Димитрий давал даже архиерейские облачения. «Несомненно, такие введения, - говорит по этому поводу профессор П. Смирнов, - как театральное искусство, было новшеством для Москвы. На этой почве даже созрело обвинение святителя, когда он употребил для костюмов старые архиерейские облачения. Правда, обвинял его недруг Войеков и вину указывал в том, что ризы эти составляли казенное имущество»¹³⁷. Незадолго до празднования двухсотлетнего юбилея со дня кончины митрополита Димитрия, в московской газете «Голос Москвы», пользующейся особым доверием столичных миссионеров, в отделе «Театр и Музыка», была помещена следующая интересная заметка: «28 октября исполняется двухсотлетие со дня рождения (?) преподобного (?) Димитрия Ростовского, *считающегося родоначальником русских драматургов*. Как известно, Димитрию Ростовскому принадлежат драматические произведения, написанные в характере мистерий»¹³⁸. В миссионерской газете «Колокол», в статье, посвященной памяти митрополита Димитрия, перечисляются некоторые

¹³⁵ Книга его «Обличение, лист 146, об.

¹³⁶ См. брошюру изд. «Народного Образования» «Святитель Димитрий», стр. 15.

¹³⁷ «Богословская энциклопедия», т. IV, стр. 1040.

¹³⁸ № 193

драматические его произведения: драма «Рождество Христово», аллегорическая драма «Грешник кающийся», драма Успенская, драма Димитриевская, драма «Есфирь и Агасфер», при Елизавете Петровне игралась в Великом посту драма «Воскресение Христово» и другие¹³⁹. Русский театр в юбилейное празднество, кажется, ничем не почтил память «родоначальника русских драматургов». Как же относятся современные архипастыри господствующей Церкви к театральной деятельности митрополита Димитрия, можно судит хотя бы из того факта, что во время торжества открытия в Саратове университета местный епархиальный епископ Гермоген не разрешил священнику Лебедеву прочитать приветствие университету от думского духовенства, признав неприличным появление священника в театре, где проходило торжество. Будь в наше время митрополит Димитрий, он не избег бы суда епископа Гермогена и других архиереев господствующей Церкви. За несколько дней до празднования двухсотлетней кончины Димитрия, епископ вологодский Никон поместил в газете «Колокол» (№1080) громовую статью против театров. «Вот теперь в клире церковном какие есть экземпляры – завзятые театралы-артисты, - восклицает епископ Никон, - Каноны церковные не позволяют устраивать храмы под одну кровлю с жилищем артиста, а ныне артисты приступают к алтарю Господню, - приступают, не отрекшись от своих воззрений на театр, и ратуют за театр, конечно, в его якобы «идеальной форме», а для сего приглашают архиереев, духовенство целых епархий и «сынов церкви» ходатайствовать о преобразовании театра... Вот до чего доходит в наше время путаница в понятиях некоторых отцов «протодиаконов», а может быть, и иереев православной церкви. Кажется, скоро будут ходатайствовать, чтобы благословлено было батюшкам ходить в театр. Да что греха таить: говорят, и ходят, - ведь не даром же власы главы своей так искусно подстригают, что стоит снять духовную одежду, - и не узнаешь иного батюшку. Из снисхождения к человеческим немощам, церковь только терпит театры, при обязательном условии – их относительной безвредности, ни и только. И мы не помним случая, когда бы церковная власть, отступая от такого взгляда на театр, разрешала освящение зданий для сцены в собственном смысле».

Совершенно иных взглядов на театр держался митрополит Димитрий, и уже одним своим сочувствием к нему, созданием драм для него он в свое время освятил его. Странно, почему современные архиереи так злобно нападают на театр. Уж не из зависти ли, что они не обладают талантом Димитрия – составлять для театра комедии и драмы.

¹³⁹ «Колокол», № 1088.

Кроме драматических произведений, Димитрий упражнялся и в сочинениях исторического характера. Он составил «Летопись от начала миробытия». Как и Чети-Минеи, это творение его вызвало среди высшего духовенства господствующей Церкви нарекания на Димитрия. Да и сам он был не высокого мнения о нем. «Мню же, мало кому понравится сей мой труд, - писал он митрополиту Стефану Яворскому, отправляя ему начало своей «Летописи», - понеже в нем, как в збитню русском, мешанина: и история, и будто толкованьице некое (из Корнелия и других книг) изредка местами, и в виде нравоученьица, а наипаче в первой и второй тысяще лет, в которых мало зело обретається историй. Коих лет не хотя праздно преминути, наполнил от части нравоучениями, взимая повод из случая деяний, в оная времена бывших. Ведь же в книгописательстве иное есть быти историком, иное толкователем, иное нравоучителем. Однакоже я грешный все то смешал, как горох с капустою, желая иметь книжицу оную на подобие примечаний и отрывков, дабы иногда к проповеди что годилося»¹⁴⁰. Как ни похожа «Летопись» митрополита Димитрия на «мешанину гороха с капустою», все же в ней больше правды, чем в «классическом» «Розыске» его, на котором и в наше время воспитываются миссионеры господствующей Церкви. Пусть бы они питались лучше горохом и капустой «Летописи» Димитрия, чем той возмутительной ложью, которой переполнен «Розыск».

XI

Развращающее влияние «Розыска» сказалось и на составителе «Службы» митрополиту Димитрию, и на правительствующем Синоде, рассматривавшем и утвердившем эту «Службу». До настоящего времени в «Службе» воспевается заведомая ложь. «Буря ересей от преисподних, - говорится в 4-м кондаке акафиста Димитрию, - чрез Ариа во Греции возродившаяся, а в последняя лета происками *Мартина Арменина* чрез брынских скитоначальников возникшая в нашем отечестве, готова была опровергнуть тишину единых, святых соборных и апостольских церквей: ты же пастырь добрый, положивый душу твою за овцы, прогнав оных душепагубных волков, бурю суемудрия укротил еси, верных же научил еси триипостасному Богу взывати: аллилуйа»¹⁴¹. Составитель «Службы» и Синод не могли не знать, что еретика *Мартина Армянина* в России никогда не было, поэтому и «бурю его суемудрия» Димитрий не мог «укрощать». Синод хорошо знал, что известное «Деяние», составленное на небывалого еретика *Мартина*, есть грубый подлог, в котором участвовал и сам Синод петровского

¹⁴⁰ Нечаев, стр. 64.

¹⁴¹ «Служба Димитри Ростовскому», лист. 38 об. и 39.

времени. Подлог этот был разоблачен старообрядцами за несколько десятилетий до составления и синодального утверждения «Службы» Димитрию. Эту ложь в ней о Мартине и о заслугах Димитрия Синод благословил воспевать по всем храмам своей Церкви сознательно и злонамеренно. Тем она преступнее и заслуживает сугубого осуждения. «Ложь, - говорит о ней сам Синод устами архиепископа Никифора Астраханского, - есть величайшая скверна разума, оную вымышляющего, и устен, оную изрекающих. Начало бо ея есть первый нечистое: ибо отец ея есть диавол. Он есть первый изобретатель лжи, которою прельстил первых человеков. Не смертью, сказал он лживо, умрете: ведяше бо Бог, яко в оньже аще день снете от него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое. И потому все те, кои воистину суть святы, лжи весьма отвращаются и ею гнушаются не только во время пребывания своего в сем мире, но и про переселении на небеса. Божественный Иоанн, для показания нам сего, так говорит о граде великом, святом Иерусалиме: и не имать в него внити всяко скверно и творяй мерзость и лжу. Итак, когда мы, хваля святых, сущих на небеси, примешиваем к хвалениям их ложь, тогда они от таких хвалений наших весьма отвращаются. Когда мы их призываем, моля, да ходатайствуют о нас у Бога, в мольбы же наши вмешиваем ложь, - тогда сии мольбы на небеса не восходят, ниже внидут во град великий, святой Иерусалим, идеже оне обитают. Не имать в него внити всяко скверно и творяй мерзость и лжу. Таковыя молитвы, лжею оскверненные, отвратительны суть пред Богом и святыми. И оныя молитвы не заглаждают греха, но во грех обращаются. Молитва бо есть духовная жертва, которая Богу приносится, и потому когда она есть от плодов князя мира сего, то есть когда содержит ложь, тогда жертва наша есть жертва Каинова.»¹⁴². Полтораэта лет приносится эта жертва в храмах синодальной Церкви при совершении службы митрополиту Димитрию Ростовскому, и неизвестно, будет ли она когда-нибудь прекращена.

Мы не могли подробно исследовать всего, что творилось митрополитом Димитрием, и того, что созидалось и жило около его имени. Но и немногое, что нами раскрыто и изложено в настоящем очерке, достаточно показывает, в какой удушливой атмосфере жили и живут враги старообрядчества и его «искоренители» и какими возмутительными средствами они пользовались и пользуются в своей борьбе с истиной и ее проповедниками. Понятно, почему и в

¹⁴² «Ответы Никифора Астраханского», отв. на 15 вопрос, стр. 386, изд. 1854 г.

XX веке они так усиленно и настойчиво ведут борьбу со свободой проповеди. Без этой свободы им можно будет идти прежним путем лжи, клеветы и подлогов.